

РОМАН ЛЕЙБОВ

РОМАН ЛЕЙБОВ

P. S.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2рос=рус)6-5
Л42

Составитель КЛАВДИЯ ЛЕЙБОВА
Редактор ТАТЬЯНА ТИМАКОВА

Оформление и макет СТАНИСЛАВА ВАЛИШИНА

Лейбов Р. Г.

Р. С. / Роман Лейбов. — Москва: ОГИ, 2021. — 176 с.

ISBN 978-5-94282-917-9

В книгу вошли избранные стихотворения современного поэта,
написанные за последние тридцать лет.

© Р. Лейбов, 2021

© ОГИ, 2021

Подписано в печать 22.06.2021. Формат 60×90/16. Объем 11 п. л.
Гарнитура Playfair. Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 7144.

Отпечатано в типографии ООО «ТДДС-Столица-8»

11024, Москва, ш. Энтузиастов, д. 1а, корп. 1

тел.: (495) 363-48-84

www.capitalpress.ru

ЭЛЕГИИ

P. S.

Уже слетаются вороны
силлаботонику оплакать,
и сквозь желтеющие кроны
сквозит небес осенних мяготь,
как бы душа сквозит сквозь тело
(ср. «чахоточная дева»),
сказать короче: бабье лето,
тепло, светло, не в этом дело.

Мужчина продает картошку
у магазина. Три подростка
пугают небольшую кошку.
Она бежит. У перекрестка
стоит нетрезвый неизвестный,
подмигивая хулигански
девице в шарфе. Я — не местный.
Я не умею по-албански.

Сентябрь в Тиране. Влажный ветер.
На тротуаре листьев пятна.
На флаге здесь — двуглавый петел.
Стихосложение невнятно:
не то верлибр, не то раешник.
У каждого в кармане кукиш.
Ну у меня в кармане — трешник,
да что теперь на трешник купишь?

Пора проститься простодушно
с родным стихом, сырым окопом.

Пора отправиться послушно,
куда Макар погонит скопом.
Пора и Пушкину, и Блоку,
и Тютчеву, и Гумилеву.
Пора, друзья, поспеем к сроку!
Вперед, к Бобруйску, к Могилеву!

Пора элегиям, и одам,
и журавлей балладных клину.
Проходит все, и мы проходим,
меся кладбищенскую глину.
Все по колдобинам да ямам,
под свирепеющим бореем,
махая полинялым ямбом,
бренча заржавленным хореем.

Над городом пух тополиный,
и в воздухе запах вина,
и кто-то с какой-то Полиной
беседу ведет из окна.

Нетрезвый путеец Степанов
в кустах копошится. Горят
на клумбах плафоны тюльпанов
и пчелы надсадно гудят.

Железнодорожное лето
в хлопчатобумажном пуху.
За речкою радио где-то
склоняет чилийскую ху...

Век умер, закрыт на засов он.
Но как очутились мы здесь,
где ситец небес разрисован
усилиями ВэВээС,

в том пыльном пространстве, в котором
мы не были сроду с тобой,
где девы электромонтерам
про шарик поют голубой,

где тополя семя шальное
так липнет к плакатам, платкам,
к Полине, сомлевшей от зноя,
к торгующим квасом лоткам,

к пилотам, привычно парящим,
к матросам, плывущим вдали,
к поэтам, стихи говорящим,
к собакам, лежащим в пыли?

.....

Степанов в сознание приходит.
Домой спотыкаясь бредет.
И грустную песню заводит —
о родине что-то поет.

За окнами вечер трамваем грохочет,
с брюнеткой гуляет блондин.
Что ж, если красотка кататься не хочет,
поеду кататься один.
Неясная масть — это тоже неплохо,
с шатенов и спрос никакой.
Счастливый билетик в кармане у лоха
и книжка всегда под рукой.
Мелькают за окнами люди и кони,
швед, русский, собаки, дома.
Смеркается. Свет зажигают в вагоне.
Вот так-то и сходят с ума.
Вот так-то и мыслят о доме, о доле,
о прелестях сказочных стран.
На Лиговке сяду, сойду на Подоле,
матрос, железняк, партизан.
...Во дни, когда липы цветение скоро
и август, зараза, впритык,
одна мне поддержка, одна мне опора —
мой грешный и длинный язык.

8 МАРТА 2005

Здравствуй, дедушка, с букетом нарциссов
в шерстяных и двупалых лапах.
Я помню твой жесткий кашель курильщика,
твой конкретно собачий запах,
Твои наставленья скабрезные по части юных жен,
да и нежных дев:
Борода из ваты, инвалид из меньшинств, все подарки
Зажавший на год вперед, дышащий букетом «Примы»,
«Шипра», «Кадарки»
Гадский папа, как (не) сказал бы (по незнанию русского)
Зигмунд Ф.

Здравствуй, март восьмой, телеграмм поставщик, открыток.
Как ты прыток, братан, даже, может, себе в убыток:
Не поспеть туда и сюда, вот и приходится брать такси.
У таксиста Петрова застарелая бронхиальная астма,
Он слушает, как по радио, сомнительно любострастно,
Поет ахинею певица Земфира. Боже, и ее тоже, если можно,
пожалуйста, спаси.

Здравствуй, сынок, снежок, амурчик в вечных поисках псиши.
Я мог бы сказать это громче, но я скажу это тише
Воды, которая временно белым все выкрасила вокруг:
Весна уже наступила, это мы ее просто опять
неизбежно просрали,
Гляди, как цветут асфодели вдоль трассы
нашей местной теплоцентрали,
Проступающей черным сквозь снег,
как тайные знаки на ладонях любимых рук.

Сидели трое у окна
Им улица была видна
Где шел нетрезвый человек
Качаясь, словно метроном
И было видно за окном
Что шел в ближайший гастроном
Нетрезвый человек

Весь мир недавно был окрашен
Поэтому нетрезвый человек был полон пятен
Весь вид его был неприятен
И встречным детям был он страшен
Как страшный тигр на картинке
Казалось им: в его кармане страшный ножик спрятан
И страшную пыль поднимали его ботинки

И дети разбегались в страхе
Запомнив на всю жизнь про это
И развевались их рубахи
Как маленькие крылья. Лето
Кончалось, полное неясной тревоги
И август метил тайной метой
Листом кленовым — середину дороги

А эти трое из окна
Как из бесплатного кина
Бесстрастно вдаль глядели
И заключалась их вина
Конкретно в том что ни хрена
Ни даже сладкой водки или горького вина
Те трое не хотели

КОТОРСКАЯ ЭЛЕГИЯ

В море шевелятся рыбы,
ты над ними, словно демон,
пролетаешь, над кавказом.
Там в ракушке спит тамара,
сладко спит на влажном ложе,
на нее глядишь ты в маску,
мистер х с заветной трубкой
для подводного дыхания.
Поднырнуть без ласт непросто.
Спи, тамара, баю-бай.

В небе проплывают птицы,
ты под ними, словно тютчев,
лезешь в гору, задыхаясь.
На вершине спит тамара,
крепко спит в гробу хрустальном,
на нее в видеоискатель
ты глядишь с заветным зумом,
но садятся батарейки.
Не взлететь туда, пожалуй.
Спи, тамара, миру — мир.

Пахнет ладаном и кофе.
Ходят греки и варяги.
Продаются сувениры.
На углу сидит художник.
Три кота и две собаки
смотрят семо и овамо.
Из окна заветной башни
сонная глядит тамара.

Видит море, видит горы,
звезды, солнце и луну.
Ты над ними, словно демон,
пролетаешь, над кавказом.
И уставшими руками
раздвигаешь облака.

Поутру в Москве свистят таджики.
А на небе выплывают знаки.
Милиционер стоит в фуражке.
Я иду, помахивая сумкой.
Ты глядишь в окно. А там — Москва.

Иванов не спит в своей постели.
Дымшиц, сука, спит в чужой постели.
Амбарцумов спит на Малой Бронной,
Прокопенко спит на Красной Пресне,
Рахматуллин бдит на Моховой.

И когда заря встает над краем
Городской стены с ее зубцами,
Отчего-то всюду сразу пахнет
Водкою ли, тиною ль стигийской.
А конкретно чем — не разберешь.

Уже и вовсе по-осеннему.
Надеть пальто? Да нет пальто.
И жизнь склоняется к Есенину,
а вот не к Агнии Барто.
Хотя, конечно, настроение
и ей печальное зачем:
с мячом у Тани нестроение,
и зайка мокнет под дождем.
Но нет размаху — спорадически
к ней с полотенцем половой
не подбегает. Клен трагически
не машет буйной головой.
И журавлей печальных ста «курлы»
не провожают вдаль ея.
И о конце Барто оракулы
не сообщают ничего.
А мне-то что? Иду не в ногу я.
И с кем? Закуришь и молчок.
Печаль в познание многом многая.

Скрипи, доска. Иди, бычок.

ЕЩЕ О БЫЧКЕ И ДОСКЕ

божья коровка бежит по ковровой дорожке
то есть какое там бежит заплетаются ножки
не распускаются крылышки почти все враги улетели на юг
в квартире тепло чашки часики ходит кошка
ноябрь как-то нехорошо глядит в окошко
ох скоро коровке каюк

божья коровка ползет по полу если глядеть со стула
кажется что коровка только проснулась или еще не уснула
впрочем взгляд целомудренно отвлекается на детали вокруг
говоря фигурально на те же чашки и часики
разговор перескакивает с пятого на седьмое
как при игре в классики
да скоро коровке каюк

потому что сказал я себе эти часики тикают и эти чашки
песочных часов сообщаются безо всякой промашки
и чаша сия не минует тебя мой друг
божья коровка летит по краю синего неба
детки ее там встречают и просят котлеток и хлеба
вот теперь уже точно каюк

Еще снег не пал на поля, еще дождь поля поливает.
Еще перепел по берегу погуливает, сам с собою разговаривает.
Еще, серенький, тоскует, припевает, сам себя перебивает.
Крылышком он, перепел, помахивает да клювиком постукивает.
На бегу-то покуривает, на ветру подрагивает,
непогоду поругивает:

«На погоду обижаться — себя не уважать.
Ноябрь обижает, да Бог бережет.
Не ты посеял — не тебе и жать.
Ступай, дружок, на тот бережок».

НА ВОЗВРАТНОМ ПУТИ

1

Глядя на небо, протянувшееся простыней
над сонной землей, протянувшейся саваном, глядя с саней
на белесое небо, стоящее сплошной стеной,
состоящее не столько из света, сколько из теней,
залезающее иголками в дыхательные пути,
теряющееся в бронхах и альвеолах, растворяющееся в крови,
налипающее на очки, не тающее в горсти,
не влезающее в размер, не знающее любви,
шуршащее по крыше экипажа, — он напевает мотив
земли блаженной, земли иной:

2

«Мы едем, едем, едем
В далекие края,
Где бурые медведи
И белая земля.
Где белые медведи
И бурая земля.

Ни конный тут, ни пеший
Костей не соберет:
Пойдешь направо — леший,
Пойдешь налево — кот.
Пойдешь налево — леший,
Пойдешь направо — кот.

И странно так, что взоры
Ты устремлял вчера
Туда, где гордо горы
Глядятся в озера,
Где безмятежно в горы
Глядятся озера...»

3

Меж тем ямщик поет иначе,
а тройка мчится, тройка скачет,
и колокольчик под дугой
звенит в тональности другой.

Пришел князь Курбский
на вокзал на Курский.

— Девушка, мне один купейный на поезд парижский.

— Вы что, гражданин? Ступайте на Рижский.

На Рижском шлют его на Белорусский.

С Белорусского — на Ленинградский.

Там длинный хвост у касс,

состоящий из народных трудящихся масс,

душно, темно и запах адский.

У вокзала на площади продают из бочки квас

за три копейки, но вкуса невыносимого.

Идет на Казанский князь,

берет плацкарту до Касимова.

Не гулять ему, князю, в Мулен-Руж,

ехать ему, Курбскому, в вагоне на двести душ,

слушать ему хриплые песни из потертого динамика.

Такая вот миграционная динамика.

ПОПЫТКА СИММЕТРИИ В АВТОБУСЕ НОМЕР ПЯТЬ

занзибар
гвинея
зазубрины колоний
пятьдесят копеек за штуку
эмираты
пряности и невольницы кока и кола
тринидад барбадос и тобаго
вольница позапрошлого века
воспрянувшая в пятидесятые
ах дети капитана
ох известь и известия
эх гашеные и негашеные
буль-буль письмо в бутылке
акула по левому борту бунт на борту
за правым бортом человек
потихоньку вырисовывается киевский сад ботанический
где менялись марками на известной горке школьники
и пенсионеры
пенсионеры были спекулянты а школьники пионеры
дети рабочих крестьян и той еще трудовой интеллигенции
научно-технической
еще только начинал кончаться минувший несчастный век
ту на эту или эту на ту
что поменять чешет дитя в пионерском затылке
не запрещенные не разрешенные
трутся вокруг разнокурые бестии
сметана тумана
в воздухе дым сигарет и какие-то знаки висят и е-
й богу я не знаю как в памяти все еще живого и все еще человека
это все терпит бумага

где эти школьницы где шоколад где шик и блеск где эта школа
где эти марки кроны дубай дублоны каштаны дукаты
пиастры пиастры пиастры и сон тебе зайнька в руку
в другую полоний
и это не марка а жизнь как ни лижи ее сзади и это не я
занзибар

В ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ

Тушка Пушкина,
Чучело Тютчева,
Голова Гоголева,
Красивый Некрасов,
Тщедушный Толстой,
Потрошенный Тургенев,
Достоевский в разрезе,
Схема слезных желез Пастернака,
Позвонок Маяковского (один к десяти),
Отпечатки следов остальных, их
Перья, чернильницы, письма,
Манифесты и кости, хвосты,
Носильные вещи и зубы,
Удостоверения
Членов
СП.

Некоторые экспонаты так малы, что приходится
нагибаться.

Администрация извиняется.

Кстати, в этом музее не возбраняется
чем угодно заниматься.

ДОКТОР Д. И МИСТЕР Х.

Волосатый Маяковский носит галстук и жилет,
У него в кармане ручка золотым блестит пером.
Ну а лысый Маяковский свой кастет не то стилет
Протирает чистым спиртом и дерется вчетвером.

Волосатый Маяковский на собрании сидит,
Обнимается с Викжелем и целует в губы РАПП.
Ну а лысый Маяковский — несознательный бандит —
Обнимает и целует только девушек да баб.

Волосатый Маяковский — весь незыблемый, как факт,
Он торчит на Триумфальной из широких из штанин.
Ну а лысый Маяковский всем показывает фак
Из окошка автозака, как поэт и гражданин.

ПАМЯТИ ОДНОГО ПОЭТА

1

давайте вспомним пушкина
простым и тихим словом
он вырос там опушке на
родном лесу в суровом
его державин отловил
привлекши гласом трубным
и в гроб сходя благословил
своим шаманским бубном
до восемнадцати годов
лежал он на опочке
потом как царь среди котов
ходил он по цепочке
идет налево говорит
элегии народу
идет направо говорит
торжественную оду
все ждали книги новые
и дождались от гения
бориса годунова и
онегина евгения
потом цепочка порвалась
и убежал он в лес
и там-то гнойный ловелас
убил его дантес
но принесли его домой
и дали съесть морошки

и оказался он живой
а умер понарошке
вовек не зарастет тропа
к его избушке n'est-ce pas?

2

Рано утром подошел,
Саша Пушкин подошел,
Прямо к няне подошел.

«Выпьем, что ли?» — говорит,
«С горя выпьем», — говорит,
«Где же кружка?» — говорит.

И Рылеев подошел,
К старой няне подошел,
Он с мороза подошел.

«Выпьем, няня!» — говорит,
«За удачу», — говорит,
«На Сенатской», — говорит.

Тут Языков подошел,
Он из Дерпта подошел,
Он шатаясь подошел.

«Эх, бибамус!» — говорит,
«Наливамус!» — говорит,
«Смерть фашистам!» — говорит.

Баратынский подошел,
Боратынский подошел,
Боротынский подошел.

«Я бы выпил», — говорит,
«Но не с вами», — говорит,
«Да уж ладно», — говорит.

Тут и Лермонтов пришел,
На кривых ногах пришел,
В маске Лермонтов пришел,

«Я не Байрон», — говорит,
«Так что, значит», — говорит,
«Наливайте», — говорит.

Тут и Тютчев подошел,
Он в очочках подошел,
Деликатно подошел.

«Дураки вы», — говорит,
«Впрочем, лейте», — говорит,
«Мне досюда», — говорит.

Булькает по кружкам влага.
Жги, перо, терпи, бумага,
Стройтесь в очередь, поэты,

В ветхую лачужку ту,
И продолжите куплеты,
Славя няни доброту!

ВИД ИЗ ОКНА

Апрель и морось. Время следствия
По делу некоего Н.
Куда страшней, чем наши бедствия,
Земля в ручьях опухших вен.
Мир в обмороке дурью мается,
Читается наоборот,
Но не рифмуется, не кается,
И показаний не дает.
Он утешается неврозами.
Гадает по своей руке.
Тепло и влажно. Тепловозами
Гудит пространство вдалеке.
Гвоздями ржавыми забитые
В чужие эти времена,
Мы тут, усталые, забытые,
Глядим из мутного окна.
На перекрестке девы пьяные
Шатаются. Фонарь потух.
Но дышит с юга ветер рьяно, и
Петух кричит. Кричит петух.

О ВИЗУАЛЬНОМ И ВЕРБАЛЬНОМ

ОДА. ПОДРАЖАНИЕ ГР. ХВОСТОВУ

1

Когда я был душою молод,
Я часто ездил в поездах.
Я молод был тогда и телом:
Плацкарт не вовсе презирал.
Там было много пассажиров
Различных типов и обличий:
Узбеки, дети, дембеля,
Колхозники, пенсионеры,
Командировочные, девы,
Студенты, бабушки в платках

2

И без платков. Когда к столице
Неспешно поезд подъезжал,
В Калинин в него садились
Тринадцать пар глухонемых.
Они ходили по вагонам
И предлагали пассажирам
Фотографический продукт —
Портреты Аллы Пугачевой,
Портреты Сталина в мундире
И неизвестных голых баб

3

Изображения. Колеса
Икали. Пахло колбасой.
Как демоны, глухонемые
Вели беседы. Тот махал
Рукой, другой мигал ресницей:
Они друг друга понимали,
А мы не понимали их.
Москва все время приближалась,
Мелькали мятые бумажки
Звенели медь и серебро.

4

И вот на станции какой-то
Неподалеку от Москвы
Они внезапно исчезали,
И оставался после них
Неясный кисловатый запах —
Как будто порох? Нет не порох,
Скорее серебро и медь —
А также Сталина портреты,
Портреты Аллы Пугачевой
И неизвестных голых баб

5

Портреты. Вышел я однажды,
После Калинина как раз,

Из сто какого-то вагона
В весенний тамбур покурить.
Стою, курю, гляжу на ельник
Или сосняк. (Теперь не вспомнить.)
Вдруг вижу: два глухонемых,
Что перед тем в моем вагоне
Как раз картинки продавали,
Вбегают в тамбур вслед за мной.

6

За ними — два милиционера
Бегут, копытами стуча,
Они хватают инвалидов
И конфискуют в тот же миг
Портреты Аллы Пугачевой,
Портреты Сталина в мундире
И неизвестных голых баб
Фотографических, а также
Уч сум, бир сом, и зече рубле,
И серебро, и даже медь.

7

И вдруг тогда глухонемые
Взмолились голосом людским:
«Увы! Товарищи сержанты!
Пожалуйста, простите нас!...»
Вот так я стал свидетель чуда.
Такие при социализме

происходили тут и там...
Шел поезд. Был написан «Вертер».
Но Эрнст еще на биофаке
Науку жизни постигал.

КОПАЯСЬ В БУМАГАХ, ДУМАЕТ О БЫСТРОТЕКУЩЕМ ВРЕМЕНИ

Душа моя, нежная странница,
Домой воротиться боится и тянется
К остаткам костра.
Сестра моя! самое страшное —
Глядеть, как зола остывает вчерашняя
С утра.

Бедняга: глядит недотрогою бледною.
Дорогою медною
По небу уже протянулся рассвет.
Горят облака, да на стали — окалина,
Настали, подруга, срока неприкаянно
Брести наугад.

С ПОЛЬСКОГО

В перспективе наших улиц,
Поворотов, повторений,
Наших медленных прогулок,
Наших временных парений,

В перспективе наших зданий,
Гула города, вокзала,
Где обрывки разговора:
«Понимаешь... Я сказала...»,

В перспективе лета, в раме
Из чужих стихотворений,
Где нагретыми дворами
Бродят запахи варений,

В перспективе неизбежных
Климатических обманов,
За которые ответит
Внуку кленов сын каштанов, —

В перспективе этой ясной
Фон сливается с сюжетом,
Жизнь становится прекрасной...
Вот об этом. Вот об этом.

ПАМЯТИ ДРУГОГО ПОЭТА

1

Пули дали пополам
Пули пели по стволам
Пули пали на колени
Оскорбления не снесли
Запрещенные как дуэли
Розы черные росли
На прозрачном Машуке
Пули пели о виске

2

На девятом перевале
Он коня остановил,
Взял кинжал в правую руку,
А в другую пистолет.
Вспомнил деву молодую,
Взгляд ее лазурный был,
Из воды ее, родную,
Он за волосы тащил.
Стольпин говорит: Ого!
Мартынов говорит: Ага!
А дева не говорит ничего,
У нее копыта и рога.
Он ее поцеловал
И далее коня погнал.

3

М и ш е л ь :

Ты, Творец вся Вселенной,
Покажи мне высший свет,
Хоть на службе я военной
И потратил много лет.

Б о г :

Что же делал ты на службе?

М и ш е л ь :

Я черкесов убивал.
Разуверившись в их дружбе,
Разил их пулей наповал.

Л о р д Б а й р о н :

А черкесы?

М и ш е л ь :

Убегали,
Диким голосом визжали
И стреляли что есть сил.

Б о г :

Я давно тебя простил.

4

Пули пели пополам
Пули дули по стволам
Пули были между строк
Пули пали на висок

Вот река течет кое-как
И костер горит вполнакала
И в степи замедленный ветер
Шевелит траву
И по небу тучи стоят
Как уставшие и заснувшие
Пехотинцы в нелепом но честном строю
Они спят на ходу
И время висит в головах как топор
Или нет
Мы ищем имя для эпохи
Она не откликается ни на одно
У костра сидят три ангела
Греют руки глядят на огонь
В котелке попевает уха из ершей
Тут же бегает лохматая собака
И заглядывает ангелам в глаза
И пахнет полынью и скоро гроза
Или нет
А у нас в городах электрический свет
И прекрасный сезон для прогулок
И по улицам ходит убитый поэт
И заходит в знакомый проулок
Там под вывеской ТКАНИ стоит манекен
И глядит укоризненным взглядом
И на стенке у Тани висит гобелен
А у Лены герань на окне и к балладам
Нас опять наклоняет кривой тротуар
Но поэта уж нет
Или нет

Ночь пьянеет
И раздаётся песня подгулявшего мужичка
Гуляй гуляй последние денечки
Охальный и полуопальный Иванов
Уж новый день встает за речкой
Как второгодник с грязной тряпкой
Он с улиц вмиг сотрет приметы
Прелестных современных лет
И выведет на них предметы
Которым и названия сегодня нет
Или есть
А ангелы тушат костер
И уходят
Собака за ними бежит по пятам

ПЕСНЯ, КОТОРУЮ ДАВНО СОБИРАЛСЯ Я СПЕТЬ

не для меня ночная мгла
на холмах грузии печальной
и плеск воды о берег дальней
и бесов вой не для меня

не для меня дрожит зурна
мелькает парус одинокий
и тот печальный и высокий
кремнистый путь не для меня

не для меня поет волна
и страшны ветра завыванья
и вечный тусклый огонь желанья
в ночи чадит не для меня

не для меня как желтый яд
аптечный мертвый свет струится
и мнет ночная кобылица
степной ковыль не для меня

не для меня два дня подряд
крадется дождик воробыиный
и пламенеет кисть рябины
и гул затих не для меня

а для меня а для меня
тырыц-тыц-тыц и тыры-дыры
пам-пам ля-ля и шуба-дуба
и вся такая брат современная поэзия

не признающая классических метров и рифм

ОСЕТР

Пришел сегодня в рыбную лавку

И спросил у веселой эстонки:

Как называется эта рыба?

- Это, — ответила мне эстонка, —
Сибирский осетр, прекрасная рыба.
Она проживал в далекой Сибири,
Кедровые кушала орешки,
Носила пимы, в тайгу ходила,
Работал на оборонном заводе,
Голосовала за коммунистов,
Ночами на кухне читал Толстого,
Куря вонючие папиросы,
Покуда чайник пел свою песню,
Покуда за окнами выла вьюга,
Потом она, рыба, осетр сибирский,
Попала под сокращение мышц,
Разочаровался в сибирской жизни,
Продал квартиру, ружье и пимы,
Женилась на местном сибирской эстонце,
И репатриировалась по квоте,
Подала заявление на гражданство,
Учит язык, работает рыбой,
Лежит на льду, как простая щука,
Килограмм — 11 евро.

2005

На углу Полянки и Ордынки
Развевалась грива у блондинки
На ветру как знамя
Под ногой похрустывали льдинки
Нас там не было на той картинке
Ну и хрен бы с нами

Начиналась улица концом
Рифмовалась улица с лицом
Вечерело начерно
В середине нулевых годов
Было в небе много проводов
С поводами и без поводов
Вычурно наворачено

Или вот еще идешь бывало
Мимо ленинградского вокзала
Где в шалмане пиво бушевало
И ментура черноту вязала
В небе звезды красные
Вокруг глаза несчастные
Таксисты лыбились хитро
Бомжиха у метро
Прореху ножевую наживую зашивала

Горизонтальные таджики
Вжик-вжик метлой по тротуару
А вертикальные киргизы
Вверх-вниз над бездной по карнизу
И время окружает время

И время отражает время
А ты такой стоишь как жид
И смотришь как оно лежит
И как в нем прорастает что-то

СОНЕТ

пахари времени поворачивайте волов
то справа налево то слева направо
спотыкаясь на согласных разрезая чернозем
мелкие корни с перегноем суффиксов и приставок

кормчие времени пошевеливайте штурвал
прислушивайтесь к подпрыгивающему скрипичному телу
ахающему на ямах пиррихийев и на спондеях валов
то заглядывая в глаза рыбам то доставая рукой до неба

собирайте время в бидоны процеживайте его сквозь
марлю полузакрытых век буквы полузабытых книг
гладьте его против шерсти трепетною рукой

без вас оно не идет не бежит не скрипит не искрит
без вас оно не прорастет красной точкой ни в ком
и никто не вздохнет о том что сточился его кремень

ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ПОЭТОМ

1

хочу я сочинить стихи
с красивым словом каподастр
и чтобы рядом там встречались
другие редкие слова

к примеру слово кракелюры
неплохо смотрится в стихах
а если рядом с каподастром
так это просто красота

вот каподастр уснул в кадастре
держа в горсти изнанку сна
и тут приходят кракелюры
с волшебной ложкою во рту

не приходя в себя жуками
они стучат в твоё окно
и ты их каподастр не сможешь
от каннелюров отличить

и лишь попробуй усомниться
и детство светлое пройдет
и где обломится ресница
приснится нос наоборот

ну вот я сочинил стихи
с красивым словом каподастр
ну вот а вы их прочитали
ну вот и все и ничего

2

хочу я написать стихи
чтоб несогласно с расписанием
и вдоволь вдоль и поперек
скромнее чисто как в раю

сердечной мышцей о второй
туда где слезы до лодыжек
и лопухи и без конца
сиянье дня перед кольцом

и взрыв оранжевый внутри
и пенье синее снаружи
и ранний стелется седой
в недужных каплях и следах

ну вот я написал стихи
где и темно и безоружный
ну вот а вы их прочитали
ну вот и все и ничего

3

хочу я выдумать стихи
по поводу восьмого марта
чтоб в них звучали поздравленья
всех женщин мира и труда

чтоб начиналось все с того
что вот я женщин поздравляю

поскольку в жизни им непросто
а тут как раз опять весна

потом там быть должно еще
немного про борьбу за право
носить чего-то брить чего-то
или не брить и не носить

еще туда бы я включил
строфу о женской красоте но
подумав час над ней примерно
я б удалил ее к чертям

поскольку этой красоте
строфы конечно будет мало
а крику после будет много
ведь это все-таки сексизм

ну вот я выдумал стихи
о празднике восьмого марта
всемирном дне всемирных женщин
среди всемирного труда

Написал сегодня «Умер Мирослав Немиров»

И подумал: Немиров бы обязательно тут заметил звуковой повтор.

А потом подумал: ну какой я думаю дурацкий вздор —

Потому что ведь действительно же умер Немиров.

К весне повернуло, но примораживает сильно ночами.

Бежит зеленая электричка, по рельсам колесами дребезжа.

Немиров моргает растерянно своими раскосыми и детскими очами,

Как сказал бы он сам, от нас от всех убежа.

Пушкин с Маяковским подсядут с портвейном, заведут разговоры.

О том о сем, о ямбе, о любви, как мы любим — по душам.

Дребезжат колеса: такие вот звуковые повторы, проторы.

А в тамбуре кто-то букву «О» в инее на окне продышал.

ЖОСТОВСКИЙ ПОДНОС

1

Гагарин глядит из ракеты
В запотевший иллюминатор.
В небе плавают звезды,
Двигают плавниками,
Помахивают хвостами,
Раздувают жаркие жабры.
В наушниках слышен голос:
«Видишь Бога, Гагарин?» —
«Нет, — отвечает Гагарин, —
Вот что-то не вижу Бога».

2

Сергей Королев по вертушке
Звонит Никите Хрущеву.
«Ну что?» — говорит Никита.
«Ну нет», — Королев отвечает.
Хрущев походит к серванту,
Берет модель кукурузы,
Тряпочкой протирает
И ставит потом на место.
«Ну да, — говорит Никита, —
Мы так и предполагали».

3

Бог глядит ниоткуда,
Видит: летит Гагарин
В своей жестяной ракете
С красной звездой на брюхе.
Видит: Хрущев в кабинете
Глодает невкусную водку.
Видит: кружатся звезды,
Как чайники в стакане,
Медленно и печально,
Все медленней, все печальней.

ГЛЯДЯ НА ЛЕС ВЬЮЖНЫМ ВЕЧЕРОМ

Кто это там остановился на опушке
нашего леса, за озером?* — думает Пушкин.

Няня, — кричит, — погляди-ка, не курьер ли
с разрешением на выезд?
Не Анна ли Петровна из Риги надумала к нам назад?
Стоят в сумерках. Смотрят вдвоем, а вьюга известью лепит,
слепит глаза,
того и гляди — выест.

Вернулись в дом.
Снег за окном
стужается, исчезают очертания всадника и его лошадки.
Кто же это был, — гадают Пушкин и няня, — тот или та?
Включается темнота.

Лишь узоры мороза на стеклах, белых пальцев его отпечатки.

* А ответ прост:
Роберт Ли Фрост.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПЕСЕНКА

где атланты держат небо на расправленных плечах
там солдатиков не треба не расплавленных в печах

переплавка перековка оловянная судьба
строевая подготовка для усталого раба

полой флейты силлый посвист фонари как строй солдат
на ветру остыла повесть вечер хмур и лениздат

вечер щурится зараза как бурят или якут
и из бронзового глаза капли серые текут

БАЛЛАДЫ

1

Сорокалетняя преподавательница математики
из областного университета
обнаружила в порночате
своего студента Максима.

Не то чтобы она все время ходила по порночатам.
Ну знаете, как это бывает?
Нажала куда-то не туда.

Максим, оказалось, звезда порночата.
У него там куча поклонниц и поклонников.
У него там высшие баллы.
Не то что на зачете по статистике.

Максим послушно делает то и это,
изгибается, улыбается, одевается, раздевается,
трогает себя, где скажут,
облизывает губы, подмигивает,
ловко цокает по клавишам, просит за движения условных денег,
говорит: не хватает на новый айфон,
говорит: в универе задолбали,
говорит: летом хочу поехать в Грецию.

Как-то втянулась, заходит каждый вечер,
знает уже, когда он появляется,
зарегистрировалась, внесла деньги,
иногда подкидывает Максиму немного,
но ни о чем не просит.

У него зеленые глаза,
пушистые ресницы,
а на плечах — веснушки.

За окнами метель гудит без толку.
В аудитории гудят лампы дневного света,
гудят батареи парового отопления,
в аудитории жарко.
Хочется снять одежду.
Слишком усердно топят.

Завкафедрой говорит: воруют.

2

Когда ему стукнуло двадцать два,
в 1983-м,
он не вернулся осенью после каникул в институт,
домой тоже не вернулся,
искали с милицией, сбились с ног,
одна Наташа чуть не отравилась,
просто сел в поезд человек в Магнитогорске
и не вышел из поезда в Москве.

Появился через десять лет,
в 1993-м,
приватизировал какую-то скважину,
хвастался похождениями в артели,
сверкал добытыми золотыми зубами,
рассказывал, как жил в Монголии,
ездил по Москве на «мерсе»

с рыжим глухонемым шофером,
вкладывал средства в современное искусство,
купил квартиру у Покровских ворот,
выдвигался в депутаты от партии беспартийных,
снова сошелся с одной Наташей,
а когда ему стукнуло тридцать три,
опять исчез.

Появился через десять лет,
в 2004-м,
был случайно встречен скульптором Аксельродом
в пригородной электричке,
ходил по вагонам,
продавал брошюры о здоровом образе жизни,
об арийской диете,
о ведической перистальтике,
сам был похож на овощ: сто одежек,
камуфляжный жилет, как у Вассермана,
под ним майка с портретом Блаватской,
под ней клетчатая рубаша,
Аксельрод заговорил с ним, проводил до дому:
частный сектор в дальнем Подмоскovie,
пять собак, более пятнадцати кошек,
куры кивают друг другу, клюют во дворе ерунду,
каждый день с пяти утра под окнами собираются
молчаливые женщины, приезжают со всей России,
на каждую у него отведено по полчаса,
заходят мрачные, выходят со светлыми улыбками,
Наташа следит за порядком в очереди.
Аксельрод вернулся через год:
дом заколочен, соседи молчат, как грибы.

Пятьдесят пять.

В этом году ему стукнуло пятьдесят пять.

3

Кто читает стихи Бродского,
кто приглашает в нанайский ресторан
на соленого зайца в нефтяном соусе,
кто мускулами поигрывает
и улыбается по-детски,
кто просто с ходу хватается за выпуклые части тела,
а этот приманивал женщин
на прогноз погоды.
Заходит в метро,
выбирает красотку
в красном обтягивающем или в голубом свободном,
становится сзади на эскалаторе,
постукивает пальцами по гулкому поручню
и говорит гипнотическим голосом,
как бы ни к кому не обращаясь:

«Завтра облачно, местами дожди,
температура + 17 градусов Цельсия,
ветер 3 метра в секунду,
влажность воздуха 85%,
атмосферное давление 760 миллиметров ртутного столба».

Всегда оборачиваются.
Некоторые сразу.
Некоторые потом, но оборачиваются всегда.
По крайней мере после четвертого повторения.

Правда, познакомиться и завязать отношения
покуда так и не удалось.

Не судьба.

4

Павел Андреевич Пастухов,
или просто Паша,
после демобилизации
проживал в Иванове в начале шестидесятых годов
прошлого века,
вставал на заре под звуки гимна,
шел по коммунальному коридору тишком,
чистил зубы мятным порошком,
брился опасной бритвой,
душистым «Шипром»
орошал румяные щеки,
завтракал яичком вкрутую,
запивал это дело грузинским дегтярным чаем,
выходил из подъезда, закуривал «Беломор»,
автобусом ехал на ткацкую фабрику,
где работал наладчиком.

Каждый день окруженный жужжаньем, гуденьем, пряденьем,
каждый день среди тысячи пчел в рабочих платках и халатах,
в стеклянном улье,
в камвольном космосе,
одиноким мечтательный пастырь железного стада станков.

Как известно, Иваново — город невест,
незамужние ткачихи платочки свои теребят,
по статистике один
сперматозоид
на десять тысяч яйцеклеток,
да и тот командировочный.

Люська подкатывала.
Тамарка подкатывала.
Люська похохатывала.
Тамарка и вовсе руками похватывала.
Только Павел Андреевич,
или просто Паша,
не поддавался на провокации.
С танцев сбегал,
одинокó курил у акации.

Он имел одно виденье, непостижное уму:
Валентина Терешкова вечно грезилась ему,
то в скафандре с буквами «СССР»,
то на трибуне Мавзолея,
то в окруженье пионеров
в Крыму.
И покуда я родился,
отрачивал первые зубы,
вставал на ноги, то есть —
весь конец 1963 и первую половину 1964 года
Павел Андреевич Пастухов,
или просто Паша,
вырезал ее портреты из газет.
Оклеил ими всю комнату,
потом коммунальную кухню,

коридор и туалет,
потом послал письмо в Москву, написанное в стихах.

Стихи на случай сохранились, я их имею, вот они:
«Валя, Валя, Валентина,
я страдаю от любви,
ты, прекрасная картина,
от меня ее прими,
ты мое составишь счастье,
как всемирный океан,
не помеха нашей страсти
Николаев Адриян».

И так далее, восемь страниц
мелким почерком
с картинками: ракета,
пылающее сердце,
пятиконечная звезда.

То ли Терешкова прочитала письмо,
то ли соседи стукнули,
но в октябре 1964 года
приехала за Павлом Андреевичем,
или просто Пашей,
психическая «Скорая помощь».

Четыре грубых санитара,
как Гамлета, его скрутили
и на носилках унесли
туда, где хлорка да карболка,
казенное белье сырое,
на окнах толстые решетки

и два соседа по палате —
аминазин и сульфозин.

Много лет пролетело и зим.
Прошло десять лет.
Прошло двадцать лет.
Прошло тридцать лет.
Прошло сорок лет.
Полвека прошло, привет.

Валентина Терешкова
развелась с Адрияном Николаевым,
снова вышла замуж,
побывала делегатом четырех съездов КПСС,
позаседала в президиумах,
повозглавляла разные общества дружбы,
поговорила с трибун головой,
поносила олимпийские факела,
ныне она член фракции «Единой России»,
вместе с Еленой Мизулиной и Ириной Яровой
защищает христианские ценности.
Такие дела.

А Павла Андреевича Пастухова,
или просто Паши,
давно уже нет.
Просто нет, без подробностей.
Ни рая нет ему, ни ада.

Такая вот, извините за выражение, баллада.

Обнулили Павла Андреевича и привет.

Бабушка моя,
Ирина Сергеевна,
была человеком блестящих
девяностых.
Нюхала кислоту,
танцевала под песни Высоцкого,
бывала на лекциях знаменитых философов:
Соловьева, Бердяева, Подороги,
я не удивлюсь,
если выяснится, что у бабушки
был даже нелицензированный секс.

Однажды, рассказывала бабушка,
на выходе из кафе «Хот-доги»
она столкнулась с личным советником
Ленина —
нет,
как его звали,
который был, когда президенты еще умирали,
Сталина, да, точно —
с личным советником Сталина
Гелием Петровским.
Он на нее внимательно
посмотрел
поверх очков, —
рассказывала бабушка, —
и пошел куда-то.

После смерти бабушки
я разбирала ее жесткие диски,

надеясь найти там какие-нибудь запрещенные
кассеты Пелевина,
детские фотографии Набокова,
русско-английский словарь или
«Поваренную книгу либерала».

Но диски были зашифрованы
256-битным ключом,
и я их спрятала
за иконами в киоте.

ЭЛЕГИЯ

Дней высокие бокалы
всклянь налиты синевой,
как зеленые бокалы
из литовской мастерской.

Только ты их осторожно
из буфета доставай —
задрожит стеклянной дрожью,
как проснувшийся трамвай.

Эти рюмочки граненые
с невидимым вином,
фаянсовый, фарфоровый
народец за окном.

Солоночки в буфетике,
нервная посуда,
пробитые билетки,
простреленная грудь.

Это утро или вечер?
Машет шапкой машинист.
Весь вагон насквозь просвечен,
на сиденье желтый лист.

В теплой трубке пыльный зуммер,
абонент ушел в кино.
Шел трамвай девятый номер,
и пришел давным-давно.

С НАТУРЫ

А сентябрь теплый, мягкий такой.
Морем пахнет, зеленой кровью морской.
Яблоко со дна уже не подобрать.
Русалок косяк лучами прорежен.
Ветер трогает лоб, как матрос-медбрат,
Небрит и brutalен, но вынужденно нежен.

ВРЕМЕНА ГОДА

еще нас любят

Еще не отцвела сирень, и май
стоит в своей горчайшей половине.
Не уходи, помедли, подожди...
Еще тугие черные дожди
деревья отучают от гордыни,
и на слуху минувшая зима.

еще нас любят

Еще нам август «Радуйся» поет
и на трубе играет, и срывает
зеленый теплый лист, на лацкан ладит
и добряком глядит, и ветром гладит
по волосам, но что-то там скрывает
в руке — и приглядеться не дает.

еще нас любят

Еще ноябрь, покинувши кровать,
брюзжит с утра впотьмах на стаи галок,
орущих на обветренных кустах,
дрожащих не за совесть, а за страх,
пронизывающий и тех, кто жалок,
и тех, кто горд, и тех, кому плевать.

еще нас любят

Но вот декабрь: борода из ваты,
и вся любовь, как ласточка в норе,
уснула, спи, дюймовочка, голубка,
как шапка в коридоре полушубка,
как мандаринка в жаркой кожуре,
как в рыбах оловянные солдаты.

МЕТАМОРФОЗЫ

Сегодня на улице ветер такой, что деревья,
должно быть, вернут себе облик бегущих от бога,
уставших от бега, измученных гонкою женщин.
Ты видишь, Овидий?

И Дафна с прилипшей к губе горьковатой хвоинкой
рванет через двор, но и ветер помчится за нею,
и форточка хлопнет в шестом этаже, и осколки
посыплются на пол.

И щелкнут суставы, и встанет старуха со стула,
и веник увядший возьмет, и совок обветшалый,
нагнется с трудом над кривым шелушащимся полом.
Сплошные проторы.

А там, за окном синева и мелькание платьев,
и стук каблучков по асфальту, и посвист дурацкий,
и выстрелы форточек там, где остались старухи
без стеклопакетов.

1926

Москва еще перебирает вождей.
Трамваи плетутся с санями рядом.
По городу ходит печальный еврей.
Он смотрит на снег понимающим взглядом.
Он мелочь считает, заходит в музей
и там покупает игрушку.

Он в теплом берлинском холодном пальто,
в очках, он по-русски умеет едва ли.
Он видит: спит, пролетая, авто,
и граждане в сумках несут, что урвали.
Он в небо глядит: толокно, решето,
мелькание нежных корпускул.

Москва, извини меня, если гляжу
я слишком чужим и южным взглядом,
прости, что, забыв обо всем, не лижу
с тобой леденцов на морозе, что рядом
с тобою ничком на снегу не лежу
и звезды твои не считаю.

Москва, я люблю твою древнюю спесь —
вдовица, глядишь, обернулась девицей
в пайковом пальтишке, гремучую смесь
снежка да смешка с мешковатой водицей
партийных брошюр, и внезапную резь
под сердцем в антракте спектакля.

Ну ладно. Москва. Вечереет. Вокруг —
немного Марокко, немного барокко,

немного грядущее. Слышишь ли, друг:
как Троцкий, трещит на заборе сорока.
Ступай же, не выпуская из рук
той глиняной вятской игрушки.

СТЕКЛО ТАКОЕ

Люди рождения шестидесятых,
дети сухих петербургских чиновников,
развеселых московских купцов,
кишиневских косматых евреев,
безымянных тамбовских попов
в начале двадцатых годов двадцатого века
научились твердо называть девятнадцатый век «прошлым»,
а восемнадцатый — «позапрошлым»,
и глядя на людей рождения девяностых,
бойко снующих по советским коридорам,
лишь порою снимали свои пенсне, протирали стекла,
надевали обратно,
и снова:

продувной коридор, пулеметом стучат «ундervуды»,
тянет угаром,
беременная комсомолка в кумачовой косынке,
с брюхом наискосок,
с багровым родимым пятном на высокой шее,
и соски выпирают с изнанки бязевой блузы.

О ПОЭТЕ И ПОЭЗИИ

с лицом весьма неординарным
поэт стоит столпом фонарным
главой вознесшись в небеса
как спутник или колбаса
к нему толпа спешит тропой
протоптанной стопой двухсложной
он весь во мху покрыт корой
русалка на ветвях порой
вздохнет как часовой острожный
и кот крадется осторожный
на ежедневный водопой

другой поэт
летит по ветру как пакет
из полиэтилена или
какого-то еще дурного материала
его траектория непредсказуема
воздух то наполняет его
то оставляет
в прахе и пыли
лежать
но вот опять
он движется как пьяный
летает но низко-низко
синкопами шуршит по тротуару
виляет как виллон
течет как тютчев
белеет одинокий как олейников

1990

В огромном воздухе миланского собора
есть что-то шишкинское, нечто от сос. бора
с его медведями, и хвоей, и бревном...
А там, на площади, арабы, негритосы:
«Синьор, купите, койфт же, папиросы!»,
Бензином пахнет, сыростью, вином.
Японцы вспышками пугают голубей
и ходят гомики, друг друга голубей.

Плывет толпа расслабленно-бонтонна.
Шокирует реклама бенеттона.
Эспрессо стоит тыщу, и еще —
суббота, ночь, хорошая погода,
везде курить полнейшая свобода,
и даже флирт пока не запрещен,
но строго я держу себя в узде,
хоть и курю, как выше сказано, везде.

Да, я застал остатки той Европы,
где обращались мнимые эсю,
где Rolling Stones не покидали топы,
занозисты, как хвостик в букве Q,
где Фукуяма иссяканье праны
пророчил, извиняюсь, как баран,
а в барах надирались ветераны
каких-то древних войн, не глядя на экран.

ТРАНСГУМАНИЗМ

Марья Петровна приходит домой с работы,
а Игоря Михайловича еще нет и не будет долго.
Марья Петровна снимает в прихожей боты
и приступает к исполнению супружеского долга.

Марья Петровна знает: замужество — это латрия.
И вот она наливает в кастрюлю гулкой воды,
воздвигает ее на бледное пламя, бросает туда щепотку
хлорида натрия
и немного грядущей еды.

Но покуда макароны, как грешники, шевелятся и варятся,
Марья Петровна думает о роботе,
о его гофрированном длинном хоботе
и фасеточных глазах из зеленого кварца.

Марья Петровна мечтала о роботе с детства,
чтобы пришел и прижал к своей стали, мягче которой нет.
И дело ведь даже не в хоботе, а в том, что некуда деться
от теплоты, растекающейся по телу, как синий свет,

разбегающейся, как поезд, разливающейся, как Волга...
Тикают часики на столе, паук плотно прядет.
А Игоря Михайловича еще нет и не будет долго.
Может быть, сегодня он вообще не придет.

ДИДАКТИЧЕСКОЕ

Не позволяй душе лениться,
Не разрешай ей быть как все.
Душа обязана крутиться,
Подобно белке в колесе.
Не позволяй душе лежать —
Душа обязана бежать.

Душе не место на скамейке
Или на мягком канапе.
Душою дорожить умейте,
Пусть ездит в общем, не в купе.
Чтоб смолоду не поседеть,
Не позволяй душе сидеть.

Быть лежебокой некрасиво,
А скороходом — хорошо.
Гони ее и в хвост и в гриву,
Хлещи кнутом, кричи: «пошел!»
Не позволяй душе стоять,
Как в слове «жопа» букве «ять».

Душа не старосветский барин,
Что дрыхнет среди бела дня.
Она летает, как Гагарин,
Подпрыгивая и звеня
В цыганских сизых небесах,
С пурпурной розой в волосах.

P. P. S.

вороны слетелись на похороны
русского стиха
но пока тихо
все чинно
листва желтеет
сквозь нее просвечивает синее небо
дожди еще не зарядили
продлись продлись и все такое

у гастронома гастарбайтер
из близлежащего кибуца
торгует картофелем из ведра
детушки шуганули кота
на перекрестке некто подшофе
подмигивает девушке в шарфе
(верлибр верлибр ударение на «а»)
дорогой мой человек я не знаю албанского языка

сентябрь либерален в тиране
нравы албании описаны
в монографии изданной в олбани
основной стихотворный размер рэп
доходы населения невысоки
так что турист может позволить себе
приобрести двуглавого
петушка на палочке

ну же ну пора отказаться от счета
сильных и слабых от систол диастол

втыкаем штык в бруствер
собираем всех кого помним в лицо
эй саша саша да федя николаша
война окончена по домам
впрочем какие дома
если война окончена

в ушах еще обрывки маршей
то боевых то похоронных
а в небе клин как нотабене
на полях забытой истории
о поэте и гоп-стопе
но мы отступим в полном порядке
по кремнистой по крутой дороге
рассчитавшись на первый-второй

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

ПМК (ПРОЗА + Х4)

Дорога домой напомнила мне, как наши войска отступали от Москвы на сожженный Смоленск. Конина с порохом — о-ля-ля! Ноги вязли в мокром снегу, в животах стреляли пушки. Император говорил нам: «Гляди бодрей, робята! Ужо придем домой — наедемся лягух-от! А доброму французу и конина — бланманже!» Мы верили, покуда оставалась конина.

Наст похож на пенопласт. Очень трудно жить без ласт.

Читал вместо лекции по риторике студентам стихотворение Гумилева про мертвых пчел. Рассказывал также про магию белого человека, которая сильнее всех магий. Новость о том, что старина Клод Л.-С., внук версальского раввина, жив, вызвала у части аудитории сдержанную радость, смешанную с недоумением. И никто не спросил у меня, как это ему удалось.

Гумилев не нюхал пчел — он жирафа предпочел.

Проходя вечером мимо всегда пустого магазина «Мясо», увидел в окно, как женщина-продавец, стоя к окну спиной и непристойно изогнувшись, засунула верхнюю часть своего тулова в прилавок. То ли клевала кровавую пищу, то ли сама туда ладилась в виде товара, то ли плохо ей стало...

Поостерегся заходить проверять.

Пахнет вечером хорей, как четырнадцать хорей.

На пляже было много солнца и голых разнополых лиц. Одни лежали, как котлеты, другие мыкались в воде. Одна ужасная старуха руководила стариком, чтоб он водой не захлебнулся и не стоял, как идиот. Потом сама полезла в воду, всех испугав своим бельем. А неизвестные эстонцы играли рядом в волейбол. Но вот настал прекрасный вечер, и мы ходили в магазин. Там продавалось все, что надо, и даже кое-что еще. Спустилась ночь, сгустились тени, ударил гром, как молоток. И перепуганная Мурка залезла в шкаф, дрожа, как тварь. Зато отважная Сережа не испугалась ничего. Она глядела за окошко, где начинался тарарам. Там было очень много шума и электрической воды. Сережин лоб браздила дума. А дождь смыкал свои ряды.

■ ■ ■

Здрасьте, называется конец марта.

За окном метет, как при советской власти.

В том смысле, что вот этот коктейль из воздуха и белой воды совершенно скрадывает следы нового времени, оставляя лишь панельные очертания напротив. Который там у них год, где свет горит?

Сизифов снегоуборочный трактор ездит туды и сюды, понапрасну взрывая бразды.

Следует ожидать нашествия скифов, парфян и прочей бродячей орды.

Явления хвостатой звезды.

Отключенья горячей воды.

Короче — различной беды.

Во всем виноваты евреи!

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ

Сегодня на набережной
я был остановлен
неизвестным мне молодым человеком.
Он был вполпьяна, а в руке держал открытую банку с пивом.
«Стойте, — сказал молодой человек по-эстонски, —
Я хочу задать вам один вопрос:
что важнее —
любовь или деньги?»
Я замедлил свой шаг, напустил на себя
вид задумчивой мрачности и отвечал
по-эстонски:
«Любовь».
«Любовь?» —
переспросил молодой человек.
«Да», — подтвердил я.
«Ага, понятно», — сказал молодой человек,
отхлебнул пива из банки и исчез.

А я остался.

В комиссионном магазине
«Из рук в руки»
посуду заворачивают в шведские газеты.

Я сегодня купил там китайскую чашку
за евро
и к ней блюдо —
тоже за евро.

В этом магазине
раздолье Мнемозине,
пахнет метафизическими мышами,
все там слегка немытое, надтреснутое, криво склеенное,
чуть дефектное,
все такое, как бы сказать, перфектное,
в том смысле, что в презенсе его давно отменили —
всякие там брюки с ушами, ширмы с камышами,
фортепьяно с прокуренными клавишами,
я уже не говорю о насущном виниле.

Винил в этом магазине продается тоже исключительно шведский,
никто его никогда не слушал южнее Лунда
и после 1984 года,
да и послушать его не на чем уже, зато
можно смотреть на обложки пластинок.

Это — вариация на тему надгробий,
галерея улыбающихся мертвецов.
Выцветшие певцы и потертые певицы
облаченные то в джинсовку, то в бархат, то в твид

улыбаются или принимают задумчивый вид,
а время летит,
нет бежит,
нет лежит.

Лежит и пылится.

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

1. ФЕВРАЛЬ

Верлибры писать стыдно, а в рифму
Писать еще стыдней.

Я сегодня гулял по району,
Дул ветер, снег лежал, и пахли чебуреки.
Случилось побывать в различных магазинах,
Наполненных таинственными товарами.
Некоторые были изготовлены в Киргизии.
(И это были тапки из пластмассы.)
Подумать только:
Тапки шлет в Москву Киргизия!
(Придумал рифму «take it easy» я, но вставить некуда ея.)

Киргизы приезжают за снегом и льдом в Москву,
Снимают тапки из пластмассы,
Надевают валенки.
Киргизов наряжают в синие робы
И
Дают им в руки железные ломы
И
Жестяные лопаты.
А
Над киргизами надзирают таджики
В зеленых халатах:
Чтобы не было злоупотреблений со льдом и снегом.
Киргизы перемещаются по Москве
Небольшими трайбами,
Ковыряют неритмично снег ломами,

Скребут лед лопатами немелодично.
И толку, в общем, никакого от этой работы —
Тук да
Тук,
Жыдыдым, задададададам.

Я же говорю: верлибр.

2. 38 РУБЛЕЙ

В прекрасном, грозном магазине,
Где все стоит тридцать восемь рублей,
Стояла у полки с игрушками
Немолодая девушка.

И покуда я ходил по магазину,
Бесстрашно заглядывая в глаза
Крему сапожному (тридцать восемь рублей)
И кальмару обезглавленному (тридцать восемь рублей),
Клею для интимных частей тела (тридцать восемь рублей)
И книге «Секреты флирта для пенсионерок»
(тридцать восемь рублей),
Циркониевому кольцу с бриллиантом (тридцать восемь рублей)
И ампуле с цианистым калием (тридцать восемь рублей) —
Немолодая девушка
Не отрываясь
Увлеченно
Глядела
В калейдоскоп

(Тридцать восемь рублей).

3. НОВЫЕ НИЩИЕ

Покуда я лечил свою меланхолию,
В Москве завелись какие-то новые нищие.
Они похожи на нищих из девяностых,
Но те были дилетанты,
А эти — профессионалы.

Отточенные движения
Инвалидов на тележках в метро.
Артистические перепады голоса
Извиняющихся, что к нам обращаются.
Великолепная техника фальшивого звукоизвлечения
У насилующих малолетние скрипки малолетних скрепок.

За этим виден труд большого коллектива.
Гримеры, костюмеры, реквизиторы, режиссеры.
Ежемесячный кастинг
На заброшенной овощной базе
В Одинцове:
Соревнование самолюбий,
Драмы отверженных дарований.

Но страшнее всего не те, что движутся,
А те, что молчаливо пылятся в нишах метро,
Прислоняются к стенам домов,
Фонарным столбам,
Киоскам, где выцветают газеты,
Остановкам, где мерзнут пассажиры,
Сливаются с урнами,
Бордюрами,
Сугробами,
Мелкими выпуклостями асфальта.

Они всегда сидят в таких специальных позах,
Застывшие, но как бы
Продолжающие невольное движение:
Головы склонены, руки сложены на груди,
Лица мучнисто-бледны
Или желтоваты,
Чуть одутловаты, чуть-чуть грязноваты,
А глаза, неподвижные, как нарисованные монеты,
Устремлены мимо идущих мимо.

При них имеются пояснительные таблички
Непременно на неровных промокших и высохших
кусках картона или бумаги.
Кривые буквы, невнятные надписи.

Однажды я стал вчитываться:
ПОМОГИТЕ НАЙТИ РАБОТУ Я ХОЧУ СПАТЬ
МАМА УЕХАЛА В СОЧИ КЛЮЧИ ПОТЕРЯЛИСЬ
МОЯ СОБАКА ЗАБОЛЕЛА НЕТ ДЕНЕГ НА НОВЫЕ ГЛАЗА
ТУТ ОЧЕНЬ ХОЛОДНО И ОТОВСЮДУ ПАРАЗИТ
ДИМА У МЕНЯ ЗАДЕРЖКА ТРЕТИЙ ГОД ЦЕЛЮЮ ЛЕНА
МОЕ НЕМНЕНИЕ О МЕНЕ МНЕ ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ТЕМНО
ШБ МНК ЫБМШ БЫНКМ ИНШМК НШЫИКБ ШИНБКЫ

Они похожи на фотографии покойников —
Жанр, родившийся вместе с фотоискусством.

Собственно, они и есть покойники.

И знаете что? —
Лучше дайте им немного мелких денег.

4. МАРТ

0

Я купил себе китайскую ручку с невидимыми миру чернилами.
В ней есть еще ультрасиний фонарик, при свете которого можно
Разглядеть слова, написанные этой самой ручкой. Вскоре
Батарейки в фонарике сядут, в ручке кончится невидимая паста,
И китайская мудрость медленной иглою войдет в мое сердце.

1

Раньше были приемники из настоящего дерева,
тяжкие, гулкие, как гробы.
По слухам, их собирали зэки в лагерях. Как будто все остальное,
Что было раньше, собирали не зэки. Пальцы помнят плавное
Движение эбонитовой ручки настройки, приятно прохладной.
Мигала зеленая лампа, светились на шкале шифры цифр,
имена городов:

2

Лондон, Париж, Улан-Батор, Москва, Берлин, Варшава,
Нью-Йорк —
Они ничему не соответствовали, просто обозначали координаты
Мира, недвижимого в ночи за окном. Музыка возникала внезапно
Из треска эфирного мусора, свиста околоземной поземки,
воя глушилок.
Музыка возникала внезапно под пальцами,
отвечая вращению ручки.

Так в юности слова перебираем, прислушиваясь к звону связки
И пробуя наощупь, подойдет ли.

В подъезде пахнет кошками и супом,
То стукнет яббом, то хореем звякнет,

и это все — всего лишь производные,
Не цель, не средство... Просто так — звенит.

Мы думаем о том, как мы войдем
В квартиру и с порога скажем:

5. ПОЛУПОЧТЕННЫЙ ВОЗРАСТ

В Москве
В любом кафе
Я старшим был

Почти в любом

Бомжи у Ленинки ели ворон
В буфете наливали мертвый кофе
Повсюду пахло диким каталогом
Проветривали черти первый зал
Как тощую наследственную шубу

Весну отменили чтоб я не ленился
Я не ленился я болел
Проветривали Ленинградку
Крутился вихорь турбулентный
Таджики жучили киргизов

В метро кружился черный воздух
Туберкулезный и венозный
Светились редкие блондинки
Играли нищие в смотрелки

Я все время куда-то ехал
Перебиваясь силлабикой
Простого счета наличных дней
В отсутствие надежных метров
Проветривали все подряд

Москва лежала на семи-
Десяти двух перинах
Посапывая посасывая лапу
Пересыпая речь намеками
Недосыпая до подъема
Показывая всем пример
Решительнейших полумер

6. АПРЕЛЬ

Весна приходит мхатом сереньким
В халате желтоватом доктора
Чахоточного прыгает воробышком
По переулочку подрагивает крылышком
Сметая

Всю эту ерунду из малого большого
Купеческие шубы пятистопные бороды
Бердыши самовары штандарты
Турнюры на ватине увертюры к каватине

Душные сугробы заслоняющие
Кулисы

Вдруг оказывается что в городе
Много свободного места но мало
Свободного времени
Ветер
Гонит
Мусор
По проспектам

Слышен каждый хлопок форточки
Отражающей лихорадочный румянец неба
В партере вечера
Каждое хриплое слово
Разрывающее марлей грудь
В партитуре ночи

До пятого акта все ружья
Успевают выстрелить по три раза

Мимо
Мимо
Мимо

7. ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В больших городах
Время распространяется неравномерно
Здесь двухтысячные с недозумной умылкой
Там девяностые с пасморочными триходами

За угол завернешь там сластиком славленным восьмидесятые
А там в переулке
Курлытые шестидесятые а во дворах
Скробные сороковые
Есть заводи такие где как в мае снег в тени двора-колодца
Лежат двадцатые на блюде с космопольцами

Так пыль в запущенных старых огромных квартирах
Пляшет в воздухе
Оседает на шторах
Скатывается в комки по углам
Забивается в щели в щербатом паркетном полу
Наполняет бронхи и альвеолы
Впитывается в кровь

И уснувшая в гробике пишущая машинка
И рапан-пепельница помнящая герцеговину
И спидола с ручкой замотанной синей изолентой
И портрет старины Хемингвея на стенке
И корешки многократно прочитанных книг
Все пропитано пылью и временем пылью и временем
Пылью и временем

ЛЫТДЫБР

1

Чу! воет ветер бесноватый,
И топчется в снегу Кратков,
Скребя автомобиль лопатой,
Зане удел его таков.

А ты давай — пешком, пешочком,
Куда зовет тебя душа,
Шурша пластмассовым мешочком,
Походкой девушек смеша.

Да ну их, эти автоматы!
Уж лучше на своих, поверь.
По крайней мере, без лопаты.
По крайней мере, не теперь.

2

Устав от ипохондрии
И от прокрастинации,
Ходили мы походами
В потребкооперации.
Избита и поранена,
Как тот хохол в «Гренаде»,
Лежала там баранина
В ужасном маринаде.

3

Кому зима арак и пунш, а мне — Обама или Буш.
Я ненавижу это дело: когда идешь, и как бандит
холодный ветер щиплет тело и душу тоже берedit.
Вокруг бразды, и каждый бразд взорваться под
ногой горазд.

4

Ночь февральская нежна,
как чужая нежена,
в небе лунный пионер
держит, юный, букву Р.

Не окликай по имени
меня, зима родная,
из лужи не пои меня —
там пенка ледяная.

ПОЗОЛОТИ

Ехал сегодня на автобусе,
автобус остановился
на светофоре в центре,
а там рядом,
на разделительной посредине дороги
стоят две старые прожженные цыганки,
такие
повседневные,
секондхендовые,
покосившиеся набор,
потертые,
заветренные,
заржавленные,
подневольные.

Вот я на них смотрю из окна,
и одна цыганка ловит мой взгляд,
и вижу я — у нее тут же срабатывает
профессиональный цыганский инстинкт:
еслиловишь взгляд,
то надо тут же этому человеку
продать что-нибудь махеровое
или болоньевое,
попросить у него сигарету
или ключи от всего на свете,
нагадать ему дорогу казенную
или дальний дом,
новую жизнь,
божественную комедию,
в общем, кто посмотрел на цыганку,

тот уже пропал,
запомните это.

И вот она ловит мой взгляд,
и ее лицо озаряется ответным чувством,
и она всем телом подается к моему автобусу,
и тут же понимает,
что нет,
не получится,
не куплю я у нее
часы албанского золота,
не нагадает она мне
вечную любовь через десять лет,
не вырвет волоса из моей головы,
не завернет его в мою купюру,
и мой автобус трогается и едет,
и цыганка
проводит его траурными глазами,
и товарка ее
хлопает черными крыльями
на разделительной полосе.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Мы Чехова читали. Поредел
строй слушателей чуть не вполовину,
поскольку май, и все вокруг цветет,
и девушки ушли в луга, и водят
там, верно, хороводы, и плетут
венки
своими гибкими и белыми руками,
и селфи делают, смешно сложивши губы.
А Чехов что? Тоска одна и скука,
пенсне, борода и несобственно-прямой
какой-то взгляд.
Так думал я, идя
домой по заскорузлomu асфальту.

Но это было в среду.

А в четверг
Директор Департамента информации
и печати Министерства иностранных дел
Российской Федерации
плясала, говорят, калинку и малинку,
но это зрелище презрел я и отверг.

Вот если б тверк.

НОВОСТИ ЖИЗНИ

Шла мне сегодня навстречу девушка
метров двух с половиной роста,
красивая такая, прямо как телевышка,
посылающая не глядя сигналы в пространство.

Некоторые сигналы принимают в своих домах
телезрители с их верными тапками и халатами,
а другие сигналы встречаются далеко в небесах
с гуманоидами, лапчатыми, грустными, зеленоватыми.

И гуманоиды начинают беспокоиться, собираться,
грузят в ракеты подарки: конфеты, букеты, не знаю, духи...
Но тут сигналы теряются, и гуманоиды выключают рации,
остаются дома и сочиняют непонятные печальные белые стихи.

Я шел и думал о гуманоидах. Недолг их век,
грустны их песни, вчерашней едою пахнет у них в квартире.
А рядом с девушкой шел ее молодой человек.
Небольшой сравнительно: сантиметра двести двадцать четыре.

ПОДРАЖАНИЕ ПОЭТАМ

Ветер как вывернет сегодня зонтик, и сразу
повалил его набок. Это было у кафе «Любовь».
А ведь он стоял, опираясь на бетонную базу,
рассчитанную на противодействие силе ветров.

Зонтик как упадет тогда на машину-тойоту,
и она запела жалобной сигнализацией,
как будто монотонно оплакивала что-то
помимо похода хозяйки в страховку за компенсацией.

В мире вообще очень многое определяют сила ветра и парусность,
гораздо больше, чем сила тяготения и наборы правил.
Между прочим, «любовь» по-эстонски armastus.
Не знаю, зачем я это добавил.

ЛЫТБЫДР

иду красивый молодой
пятидеститрехлетний
и пахну кельнской водой
как день последний летний

лучом вечерним солнце грей
плешивую макушку
природы пышный даунгрейд
пленителен как пушкин

сияй сияй прощальный свет
сочувствием привет
хоть в этих строчках смысла нет
но нет его и в этой

ТЮТЧЕВ И ФЕТ

ветреная геба
в ноябре скупа
тихо сеет с неба
манная крупа

по микрорайону
мухой в молоке
черная ворона
ползает в тоске

воздух точно вата
плоть его бела
и великовата
плотность для крыла

СОНЕТ ИЗ АВТОБУСА

Старик в тринадцатом автобусе с утра
развертывает влажную газету,
трет шарфом запотевшие очки,
просматривает некрологи
внимательно, как будто опасаясь
кого-то пропустить.

Тринадцатый автобус
покашливает выхлопом. В тумане
за окнами деревья пробегают,
как тени. Под мостом молчит река,
по ней плывут расплывчатые льдины,
как некрологи по газетной полосе.

Читатель этого текста
дочитывает этот текст.

ПРОПИСНЫЕ БУКВЫ

Проснулся, думал в тишине:
Наверное, я — враг Израиля...
А впрочем, — думал я, — не зря ли я
Об этом думаю?.. Во мне

Процессы шли веществ обмена,
Их бессознательной игры,
И даже года перемена
Им не мешала до поры.

Но вот уже настала ночь,
Над фонарем желтеет небо,
Пора одеться, выйти прочь,
Купить чего-нибудь из хлеба.

ЗАМЕТКИ ФЕНОЛОГА

Вот оттепель на самой грани
нуля, и небеса в тумане,
и желтый хвост над дальней ТЭЦ,
как борода у бог-атэц*.
Бессмысленный и беспощадный
тут разночинец безлошадный,
не торжествуя ничего,
ногами топчет H₂O.

* Этот стих следует читать с грузинским акцентом.

ИЗ ДНЕВНИКА ИНОСТРАНЦА

Вольготно, словно в Думе депутаты,
раскинулись российские сыры
на полках в Елисеевском, сыры
тротуары здесь, и плиткою покаты,

посыпаны химическим говном,
они мокры в мороз, как кот наплакал,
Москва не верит, ходит метроном,
покрыто все каким-то липким лаком,

в киосках каменеет пастила,
на площади устроена потеха
для мертвецов, и слишком много меха
надето на текущие тела.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД

Осенний вечер или полдень, дождик,
поля срединной русской полосы,
старинный трактор тарахтит, без толку
расходуя солярку, тракторист,
не заглушив мотора, отлучился;
картофель размышляет в мокрой почве
в том смысле, гнить ему или не гнить
(эх, Йорик, Йорик! будто выбор есть),
вдруг: трах-бабах, удар, еще удар,
земля трясется, словно чьи-то груди,
и раздвигается, как в страшном фильме,
и делится на мелкие квадраты,
которые то желтым, то зеленым
окрашены, по ней грохочут танки,
сверкая сталью и гремя броней,
покачивая важно головами
и извергая иногда огонь,
навстречу им другие, грянул бой,
и вот машина пламенем объята,
сейчас рванет боекомплект, стрелок
убит на месте, не успев промолвить
и буквы «ё»; в кармане гимнастерки,
лежит вполне бессмысленное фото:
стрелок (живой) с какою-то красоткой
на фоне то ли пальмы, то ли кедра,
кровь, постепенно из груди точась,
там образует красное сердечко,
похожее на жопу;

молодой
чеченец в тренировочных штанах,
качается в полупустом вагоне,
копаясь грязным пальцем в Подмоскowie;

прыщавый толстый мальчик по планшету
гоняет танки, двигая бровями;

девица с перспективными ногами
тревожно ставит лайки в инстаграме;

а малоинтересный гражданин
в дешевой кепке и с кривою рожей
дописывает эту строчку
и ставит точку.

СОНЕТ С СОКОЛЬНИЧЕСКОЙ ЛИНИИ

В метро едут солдатики, с вещмешками и в цветущих прыщах,
Пока-пока-покачивая стриженными головами.
«Уважаемые пассажиры! Сообщайте сотрудникам
о забытых вещах», —
Говорит электрический голос человеческими словами.

Хорошо, хорошо, сейчас.
Все сообщу, как на духу, без утайки. Полнейшее неглиже.
Дорогие сотрудники! Я забыл уже, как я целовался в первый раз.
И — что еще обиднее — когда в последний, тоже не помню уже.

Забыл, что такое дискриминант, котангенс,
кто такие Шиллер и Низами,
Не помню, с чем рифмуется слово «вода»,
Кто я такой, откуда я еду, куда и когда
Нужно ставить запятую перед союзом «и».

Еще я забыл какую-то вещь, но не помню какую.
Приблизительно знаю, конечно, но все же назвать ее не рискую.

ЕЩЕ С НАТУРЫ

1

С своей зайчицею голодной
Выходит на охоту зайц,
Спешит купить во тьме холодной
Весьма подорожавших яиц.

Ты близко, даль консюмеризма,
Огнями манишь и манишь!
Вот магазин заветный Prisma
Лежит, шикарный, как Париж.

Здесь есть трусы, носки, картузы,
Здесь есть пельмени и нарзан,
Блютуз-устройства и рейтузы,
Кефир, хамон и пармезан,
Здесь лещ пузатый и кургузый
Молчит во льду, как партизан,
Здесь, как киргизы и огузы
В своих кибитках, карапузы
В своих каталках гомонят —
Разнообразные продукты,
Игрушки, овощи и фрукты
Их тоже манят и манят.

.....
.....

Тут я порой, скиталец праздный,
Брожу в нужде разнообразной,
Ища доступных мне яиц,
Глядя и глядя на девиц.
Вотще!
.....

2

Куранты били, глас из репродуктора
речитативом по-славянски выл.
Гирлянды нависали мелким бисером,
над ними нависали небеса.
И девочки себя фотографировали,
сложивши губки, как для буквы «ю».
Гремела электрическая музыка,
китайцы шли в смешных пуховиках.

Семь Сталиных ходили по Никольской,
лампасами потешно мельтеша.
Один — по имени Джалаладдин,
другой — согнут дугой,
третий — в бронежилете,
четвертый — мухортый,
пятый — подбитый ватой,
шестой — простой, как Лев Толстой,
седьмой — с холщовой сумой.

Порой они кого-нибудь хватали,
и требовали денег, и читали

какие-то ужасные стихи
с немыслимыми всякими акцентами,
как будто были вечными доцентами
на кафедре херни и чепухи.
А ведь могли бы торговать на рынке,
крутить баранку или принимать
полезнейший закон об оборонке.
И каждый Сталин ведь о чем-то думал:
кто о семье, оставленной в горах,
кто о Коране, кто о фраерах —
вот обо мне: что ну его в Тынду, мол.
А я стоял и из последних сил
не верил, не боялся, не просил.

ЯМБЫ

ДВЕ ПЕСНИ НА РАЗРУШЕНИЕ ТРОИ (1991)

1

Была, бля, Троя — были мы троянцы.
Но хитрая История конем
Пошла, сама расположившись в нем,
И вылезла. И нас взяла за яйца.

Она не даст потачки никому —
Где конь с копытом, там, глядишь, и канцер
В клешню свистит. И мы сменили карцер
На нищенские посох и суму.

Итак, свобода. Протяни ладонь.
Мы проиграли в шахматы и прятки.
Глаза слезятся. Пахнет жженой тряпкой.
И ржет над нами деревянный конь.

2

Мне не нужен Черноморский флот.
Да и никому уже не нужен.
Я настолько же обезоружен,
Как и весь советский мой народ.
Обезврежен я и обнажен,
Обнаружен нежною Европой
Злой, голодный, пьяный, с голой жопой,
С наглой рожей прущий на рожон.

Ах, не жаль стального корабля,
Только жаль варяга и корейца,
Грека, и коряка, и еврейца,
И грузина, и узбека, бя,
Чукчу, молдавана, гагауза,
Русского, эстонца и француза
Из Бордо, захавшего к нам,
Армянина, что лобзал гречанку,
И китайцев, гонящих тачанку
По ржаным украинским полям,
Где лежит папаха Т. Шевченко,
Жаль Гренаду, Кубу, Гондурас,
Жаль монголов (как они без нас?)
И цыган. Особенно — Сличенко...

Мертвую державу погребли,
Подгребли оставшиеся крохи.
Вот и все. Салют. Конец эпохе.
Уплывайте на хер, корабли.

НА НЕЗАЛЕЖНОСТЬ РОССИИ

Хорошо на юге: как и сказано было, баштан,
галушки, сало, и все-таки главное — мова,
возможность отойти на полшага назад и увидеть — цветет каштан
без санкции набибулина и без помощи иванова.

Есть у чукчей язык, и в нем найдутся слова
для любого снега, но также и друг для друга.
А нам некуда отступать: за спиною мордва,
зыряне, ненцы, якуты, да метан, да буран, да выюга.

Мы живем без мовы, на краю жестяной земли,
междометиями окликаая смутные силуэты в метели.
Этот бинокль, как ни крутили, на резкость не навели,
да и что там вообще за херня вместо линз, кто знает? Не те ли

и мастерили его, матерясь, что мчатся и выются в степи?
И осталось ли что-нибудь в этом кромешном тумане кроме
неизбежной свободы на морозе целовать железный замок на цепи,
обдирая язык до крови?

Ты есть, пацан, тот, кого ты ешь,
Те, кто тебя съедят, тоже поймеют вещь.
Пищевая цепочка неисчерпаема, как электрон
В страшных снах В. И. Ульянова (Ленина).
Салтыков-Щедрин командует «На колени!». И на
Колени падет Сухово-Кобылин. Зашатается трон,
Царевич Димитрий придет в Свердловский обком,
Запишется на прием к Первому, тряся окровавленными бинтами,
Выпьет с ним чаю, побеседует о Милле и Бентаме
И еще кое об ком.
На выходе из здания он встретит царевичей Ивана,
еще одного Ивана, Алексея, Николая, Петра и опять Алексея
И скажет последнему: «Велели передать,
чтоб дальше не занимать».

БЛЮЗ

Я сегодня шел на работу,
как обычно, в три сорок пять.
Ко мне подошли два чудовища в ботах
и хотели меня распять.
Я не стал с ними драться, не вызвал ментов, я просто от них удрал.
Мама, наверное, я либерал!

Я умею играть на дудке.
Я читал роман «Идиот».
Я сижу за компьютером целые сутки,
и это меня убьет.
Когда все кричат, что Спартак — чемпион, я знаю, что я проиграл.
Мама, наверное, я либерал

Достоевский таких боялся.
Гитлер множил таких на ноль.
Карузо в беседе с такими старался
взять самое верхнее «соль».
Эварист-Дезире Дефорж де Парни с такими вообще не играл.
Мама, наверное, я либерал!

КАТРЕНЫ

Через сто лет будет такое шоу:
тысяче участников
блокируют чипы в головах,
потом зададут им вопросы.

После первого вопроса
(«Сколько будет сорок минус восемь разделить на два»)
из игры выйдут
пятьсот человек.

После второго вопроса
(«Как называется естественный спутник Земли?»)
в игре останутся
сто участников.

Третий вопрос
(«Кто был по национальности Моисей?»)
отсеет
девяносто восемь из них.

Четвертый вопрос
(«Какой формы был колобок?»)
решит
судьбу полуфинала.

Вышедший в финал
должен будет ответить
на пятый вопрос
(«Как вас зовут?»).

Ответит правильно —
получит пятую голову.
Ответит неправильно —
будет на фиг отформатирован.

Ответит неправильно.

Время меняет кожу, линяет,
подмигивает круглым глазом,
Дарвина пересматривает, Линнея отменяет,
разом обращаясь из ящерицы в червя,
рвя пуповину, расправляет крылья,
штеко будланув тебя, блестит плавником.

Штыком сверкает холодный май,
фаршируют, маринуют, маршируют,
воняет вороньим пометом, ворванью, гарью, газом,
плывут под ногами асфальтовые ленты,
цветет черемуха нервно, паралитические
гамадрилы превращаются в jovialных гардемарин.

Марионетки встали на пьедесталы, они уже — монументы,
время выворачивается наизнанку,
просыпается, сопит, опухшее все такое, некрасивое,
в глухую несознанку уходит время,
а дети играют, пересыпая десятилетия
из красного ведерка в синее.

ЛЕВАДА

Если бы послезавтра в Москве
состоялся референдум
с вопросом:
логфв длчвмо рпно онг овмрт?
77% проголосовало бы за
15% против
остальные пока затрудняются с ответом
чешут в затылке
спрашивают:
оен лорвр лонгнло орпап
или вот так вот
прямо и
длчвмо рпно онг?

ФИГУРНЫЙ ВЕРЛИБР

Говорит

Кублановский:

если бы Бродский

вдруг дожид до наших дней, он

непременно сообщил бы о том, что

если бы Ахматова дожидла до наших дней,

она бы обязательно поделилась соображениями

о том, что если бы Анненский дожид до наших дней, он

без сомнения не утаил от широкой читательской публики, что

Тургенев, Пушкин, Державин, Ломоносов, Буало, Овидий и Гомер,

доживи они до наших дней, подали бы всем современным писателям пример

государственного мышления и были бы рады возвращению Крыма, рапанов его и мидий.

Особенно, конечно, Овидий.

FUIMUS

поверх асфальта положим плитку
поверх плитки насыплем щебня
поверх щебенки настелим дерну
вырастим траву кусты деревья
на их вершинах поселятся птицы
в цветных перьях с грубыми голосами
под их корнями заведутся змеи
с ласковыми глазами с нежными именами
и когда над развалинами инииона
взойдет тройное зеленое солнце
никакой шлиман не разберется
где тут копать чтоб не было стыдно
за бесцельно освоенные средства

РИТОРИКА

Много лет подряд я преподавал риторику
Чертил на доске
Треугольники квадраты круги Эйлера
Перекладывал перед студентами фигуры
Как продавец морских гадов или рыб
Поворачивал снулые тропы на льду
Шевелил в зеленом садке сачком

Сегодня прочитал в газете:

*«Моя риторика по отношению к тем, кто призывает
к свержению государственного строя, изменению терри-
ториальных границ России, не менялась».*

Это как продавщица например из рыбного отдела
Которую ты каждый день видел в «Гастрономе»
И вдруг встречаешь на премьере «Садко» в опере
На каблуках при кавалере
Плывет утопая в мехах и духах
И с кольцами на красноватых пальцах
И ты смотришь и даже здороваешься
Но не понимаешь кто же она
Такое знакомое лицо
Практически родное
Соседка одноклассница бывшая ученица

Нет никак не вспомнить

КИНО И НЕМЦЫ

одна дочь тихонова
а другая например любшина
все имущество перепишу на вахтера
назову его гойко митич
выправлю черногорский паспорт
он глухонемой ему все равно
лабрадора назову жучкой
по документам он будет болонка
проживающая в туалете
зашифрую все тройным кодом
справа-налево и вверх ногами
по-албански армянскими буквами
«деньги в серванте в банке
из-под монпансье
ключ от боровицких ворот
под ковриком
целую в висок
вицин моргунов никулин»

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

ну и завели себе царя
а чего так жить-то
думали будет веселей
не повезло
нет не то чтобы жрет много
но как-то шумно
и неаккуратно
в лоток ходит
но опять же неаккуратно
и шумно

хуже всего конечно когда
у него это самое начинается
ну суверенное вот это
духовность-то духовность но
знаете запах и обувь жалко

петровы раньше в гости ходили
коневы сидоренко
даже один лифшиц
теперь чего-то перестали все

не повезло говорю

может быть следующий
будет лучше

НА ВИКТОРИЮ В СИРИИ

Летим теперь бомбить Макао,
Где хунвейбины и хунхузы
Задерживают груз какао
И наполняют сухогрузы
Модифицированным генно
Зерном, набитым пестицидом,
И для инъекций внутривенно
Готовят шприцы нам со СПИДом.

Их вождь — пиндос, фашист и гомо-
Сексуалист, двойник Обамы,
С татуировкой Ессе Ното,
С гнилыми черными зубами,
Отец греха, слуга европам,
ШМИГИЛа* злая креатура,
Он салом дышит и укропом.
Его фамилия — Бендюра.

Взовьются наши бомбовозы,
Взревут космические силы,
Мы отомстим за ваши слезы,
Родные города и села,
За поругание невинных,
За оскверненные седины —
Пусть грянут взрывы бомб глубинных,
Взревут в Антарктике пингвины!

* Организация, совершенно не запрещенная в Российской Федерации.

И средь всемирного пожара
Герой Советского Союза
Спасет от бомбы и радара
Слепого мальчика-хунхуза.
Держи его покрепче, зема,
Прижми к груди, не то уронишь!
А мы наденем термошлемы
И полетим бомбить Воронеж.

ИЗ ЕСЕНИНА

Скоро вновь зазеленеет первый клейкий лист.
Подари мне балалайку, виолончелист!

Пусть она не Страдивари, не Амати пусть.
Да свою простую песню знает наизусть.

Про красивую девчонку с доброю душой,
Про панамские офшоры, про процент большой.

НЕЧТО О ЗВЕЗДАХ

По сообщению наших источников в администрации, некоторым звездам послан сигнал: им следует понимать, что придется либо перестроиться, либо собираться — и с вещами на выход. Чемодан — вокзал — такая-то мать.

Светят, понимаешь ли, без разбора на нашего и ненашего, льют млечные струи на мельницы потенциальных врагов, в созвездия несанкционированные, сшитые наживо объединяются черт знает для каких дальнейших шагов.

А вдруг вот эта звезда из Большой Медведицы, занята экстремизмом в настоящий момент?

И ведь не проверишь, вроде как просто светится, а на самом деле хрен ее знает, что там за элемент.

В общем, желающие и дальше работать в нашем небе обязаны зарегистрироваться и уплатить налог.

А прочие объявляются агентами Моссада и Аненербе и подлежат утилизации в установленный срок.

ПОСЛАНИЕ К БАШМАЧКИНУ

...наши танки быстрее, чем наши тачанки,
броня крепка, и кони скалятся, как Киркоров,
ничего нет системнее этой волчанки,
даешь удвоение производства святых егоров!

Как много пуль в небесах и под ногами взрывчатки,
а собачий запах, Акакий, — просто родимой шинели войлок.
По площади цокают когти, отпечатываясь на брусчатке,
Красная Шапочка участвует в акции «Бессмертный волк».

Акации цветут, Акакий, и черемуха набухает нервно,
парализуя волю запахом, белой пеной
на губах. Но слезы на глазах обсохнут, наверное,
на последних тактах Шопена.

ОБЪЯВЛЕНИЕ В ПОДЪЕЗДЕ

В связи с приближением дня Победы
Объявляю свой балкон героем.
За него жизнь отдавали деды,
И внуки по площади ходили строем —

В таких фуражках! с такими погонами!
С сединою на глазах, с гулкой песней на зубах!..
А теперь там какие-то галки с воронами,
Не говоря о сраных голубях.

ИЗ ДЕТСКОГО АЛЬБОМА

1

Вот Крым,
который так русским народом любим.

2

А вот Донбасс —
для отвода глаз,
чтоб вытеснить сраный бессмысленный Крым,
который так русским народом любим.

3

Вот Сирия,
на хрен, конечно, она
вообще никому не нужна, но годна,
на то, чтобы вытеснить сраный Донбасс,
введенный в рассказ для отвода глаз,
чтоб вытеснить этот бессмысленный Крым,
который так русским народом любим.

4

Вот беженцы
заполонили Европу,
как стадо мохнатых и черных зверей,
насилуют женщин, свиней и курей

(сходи за подробностями к Бутенопу):
они вытесняют вонючую Сирию,
включенную в эту четвертую серию,
чтоб вытеснить сраный вонючий Донбасс,
введенный в рассказ для отвода глаз,
чтоб вытеснить на хер бессмысленный Крым,
который так русским народом любим.

5

Вот трубы трубят, и источники вод
окрасились кровью и стали горьки,
и с горочки Некто спустился и ждет,
когда притекут к Нему, из-под руки
глядит: не текут ли народы на суд?
Народы текут. Транспаранты гласят:

6

«Вот Армагеддон,
все знают, что он
являет собой, очевидно, потуги на
то, чтобы вытеснить дело Ролдугина,
которое было затеяно, чтоб
забыли о беженцах, дабы никто б
не вспомнил о сраной бессмысленной Сирии,
придуманной, в общем-то, чтоб вы спросили и
вмиг позабыли мудацкий Донбасс,
введенный в рассказ для отвода глаз,
чтоб мы позабыли свой ласковый Крым,
который так русским народом любим:

там море и пальмы, там лагерь «Артек»,
там солнечным тело намазано медом,
там пахнет, как в тысяче райских аптек:
венозною кровью, карболкой и йодом».

БЛИЖНИЙ КРУГ

Личный комар президента
прокусывает все, начиная от брезента
и кончая броней тяжелого танка.
Мощность — 999 лошадиных сил.
Громкость голоса — 100 000 децибел.
Расчетная скорость полета — 300 000 метров в секунду.
Расчетная дальность полета — 1 000 000 световых лет.
Чисто выбрит, опрятно одет.
Откликается на имя Авдей.
И главное,
он сроду не читывал Канта.

Личная муха президента
ни в чем не уступает комару,
натаскана не на кровь, а на говно,
жужжит не столь высоко и тщательно.
Летает еще быстрее и так же далеко,
откликается на кличку Сулико.
Канта читала, но давно
и невнимательно.

Личный микроб президента
имеет четыре глаза и семнадцать ног,
ползает задом-наперед,
поглощает углеводород, выделяет тоже углеводород,
от чего все время пребывает в прострации.
По мнению аналитиков, он бы мог
успешно заменить
руководителя администрации.

ИЗ ХОДАСЕВИЧА

Проводят акцию «Кашеев полк».
С трибуны щурится серый волк.

Змеей по площади ползет толпа,
на палках качаются черепа.

Прошлогодние листья, задорный прах,
несутся в атаку по мостовым.

Ветер посвистывает в черепах.
Черепашки улыбаются постовым.

Слюна ползет из каждого рта.
Пестрая лента черным-желта.

И глядя пристально на нее,
Святой Георгий заносит копье.

РУСОФОБСКИЙ СОНЕТ

В небе месяц, и при свете двурогом
стыки жестки, да сны легки.
Едут, едут по железным дорогам
деревянные дураки.

Иней в окне весь в лунных осколках.
В стакане стынут опивки.
Дураки покачиваются на полках.
В головах перемешиваются опилки,

и сны вокруг стелятся едким дымом:
то златым Царьградом над синим Босфором,
то красным стягом над Белым домом,
то серебряной рыбою к черным сферам.

Дураки вздрагивают, простыни на них корчатся.
Стук-постук, покуда рельсы не кончатся.

ПЕРЕВОРОТ С ПОДЪЕМОМ

Я полагаю, стоит предложить
попробовать придать слегка динамики
сюжету с перевыборами Путина
на должность Путина. И раз в шесть лет
(в дальнейшем — восемь, десять или двадцать)
устраивать в столице революцию
потешную. Чтоб Путин уходящий
в Кремле дрожал, а Путин наступающий
чтоб вел на Кремль народ. Представьте — Путин,
от Путина отгородясь стеной,
Росгвардии преступные приказы
диктует по большому телефону,
а в это время Путин во главе
народных масс на белом «мерседесе»
вздымает штык мозолистой рукой,
бежит матрос, бежит солдат, рабочий
с натугой тащит свой уралвагон,
и вот уже опричники с сатрапами,
как октябрюта на зеленый свет,
на сторону народа переходят,
и вот уже бежит постылый Путин,
переодевшись в платье Матвиенко,
и вот уже спешит Рамзан Кадыров
принести присягу новому правителю,
и вот уже клянутся Ротенберги,
Ковальчуки и прочие Усмановы
платить налоги каждый божий день,
и вот уже поет Кобзон осанну,
и Петросян, лукаво улыбаясь,
про Путина поверженного шутит,

и лезет целоваться Михалков,
а Путин торжествующий диктует
законы мира всем земным народам,
и объявляет полную амнистию,
и отправляет в Сирию войска...

ИЗ ПОСЛАНИЙ К ВАЛЕРИЮ

У нас тут, знаешь, пыльные бури.
По улицам ходят старушки в сером,
Не доверяют апрельскому солнцу,
Щурятся, заслоняясь руками
От яркого солнца.

Все какое-то тут у нас ненадолго,
Вроде, тепло, но никто не знает,
Куда повернет и что послезавтра
Объявят по интернету после
Программы «Время».

Сегодня видел одну собачку,
Представь, сидела на переходе,
Ждала зеленого на светофоре.
С печальным взором, хвостиком куцым
Пыльного цвета.

Пыльные бури. Яркое солнце.
Ветер гуляет по перекресткам,
Не останавливаясь на красный,
Задирая юбки девицам,
Толкая старушек.

II

...А когда у них снег сойдет и трава в лесах загорится,
Выходят толпою на площади гиперборейцы,
Обещают ничего не забыть, гордиться, бороться.

Имитируют мельканье нулей боевых порядков
В ведомостях бессмертья на картофельных грядках.
Над головами несут портреты каких-то предков.

И тогда, Валерий, внезапно у них разверзается небо
И оттуда, из плацкартного мягкого серого штаба,
Улыбается им сквозь усы их бог — Касторский Буба.

Потому что жизнь коротка и умирать не страшно.
Потому что на календаре каждый день — вчерашний.
Потому что морошку, Валерий, не скрестить с черешней.

Лето какое-то такое,
что вообще во всем сомневаешься:
то солнце палит, как в Турции,
то ветер норвежский свистит.
Вот и ходишь —
одеваешься,
раздеваешься,
переодеваешься,
как какой-нибудь,
прости господи,
трансвестит.
Каждый носит в запасе с собою
ворох помятой
одежды, ожидая
предсказанной оракулом перемены.
Времена такие настали, Валерий,
что ничего не понятно.
люди вокруг одеты
по всем сезонам
одновременно.
В мини-юбках,
в плюшевых шубках,
в шортах,
в шапках с ушами,
в защитном окрасе,
в латах и шлемах,
в шкурах,
тот — в шкарах шикарных,
тот — с содрванной начисто кожей...

С утра сосед вышел
в джинсах с заплатами,
вернулся вечером в рясе.
Другой вышел в смокинге
и в рясе вернулся тоже.
Какие уж тут стихи?
Вроде бы заводишь
веселую песенку,
а выходят какие-то алгоритмы зарубежной эстрады,
то ли фортраны,
то ли алголы.
Если так дальше пойдет, Валерий, я окончательно перейду на «лесенку»
и в рифмы брать перестану прилагательные и глаголы.

IV

Или вот еще, знаешь, в кино или сериалах
смотришь в первой сцене на какого-нибудь героя
и понимаешь: жить ему осталось недолго.

Минут двадцать, если кино, или серий восемь,
если сериал. И смотрит-то он виновато,
исподлобья, и актер какой-то хреновый,

и функции этого бедолаги в сюжете
видны изначально, как на ладони —
нужен он лишь для того, чтоб его не стало.

Блондинка прослезится при опознании трупа.
Верный напарник отомстит злодеям.
Небольшой гонорар пойдет на алименты.

Можно было бы написать: «так и мы, Валерий»
и закончить послание на этой щемящей ноте.
Но воспитание не позволяет.

V

Актер Ковалев в сериалах играет генералов милиции,
бреет голову, мечет громы и молнии чище Везувия.
В жизни же нету ласковых, тише его и беззубее:
он до безумия любит юношей с интеллигентными лицами.

Актер Токарев обычно в сериалах выступает растленным эстетом,
с пороков постыдных на роже убедительной сводкой.
А на самом деле он — тонкий ценитель пива, конечно же, с водкой,
конечно же, снова с пивом, с водкой и пивом при этом.

Актер Мельников изображает всегда незатейливых пьяниц,
нос его красноват, клочковата жидкая борода его.
Но в реальности он не пьет, конспектирует Шестова и Бердяева,
проявляя себя в дискуссиях как последовательный гегельянец.

Не так ли мы, о Валерий, звеня и подпрыгивая, как тот пятак,
кого-то играем, вопреки своему темпераменту и комплекции?
Так я подумал однажды вечером, идя по улице, голодный и злой
после лекции,
но потом подумал еще немного и понял, что нет, не так.

IX

Жаркое лето катит хрустальным шаром,
только инсекты похрустывают. Клошарам
радость — повсюду пропасть пустой посуды.
Время, Валерий, впрямь не страшной простуды.
Улицею не спавшая ночь, наверно,
движется вдрызг зареванная царевна,
крашенная брюнеточка в ложной коже.
Время, Валерий, вечно одно и то же.
Время метать икру, наблюдать итоги
сложной игры скрещений: руки и ноги,
судьбы, херы с покаями да гаметы,
циклы светил и крашеный хвост кометы.
Время, Валерий, кожу свою меняет,
время, Валерий, балует и не балует:
то оно коронует, то распинает,
то оно плюнет, то оно поцелует.

ДЕТСКАЯ ПОЛИКЛИНИКА

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ

запето забыто
гамета зигота
комета космата

солома полова
волами ослами
в вертепе терпела

часы четвертинки
шипцы шестеренки
пружинки златые

звенело жужжало
дрожало держало
шибало дрожжами

светало спросонок
свистали снаружи
сметали крылами

верстались ли вести
стелились ли сети
светились ли дети

а дождик по кровле стучал и казалось что все
это только случайно казалось но так оказалось
что не показалось а здесь и теперь поневоле
сказалось забыто запето закрыто на ключ

в просвете плывущих к распятию туч

МИГРАНТЫ НА ДУНАЕ

С точки зрения пограничника,
наверху нет небес.

Мир дерюгой дырявой накрыт, сквозь которую сеет
что-то мелкое, мокрое, твердое, без
перерывов и лежит на шинели навроде горчичника.
Иногда то, что сверху, слегка пропускает свет,
чаще нет.

Пограничник матерится местной латыни на.
На востоке за речкой пурга визжит, как Латынина.

.....
.....
.....

Что за публика вдруг, посреди зимы,
на глухой заставе, где стынем мы,
где врагу поставлен от века заслон,
где Мухтар покрывает Ингуса лаем?

Тары-бары, шурум-бурум, караван-сарай,
обезьяний гомон, гусиный гогот, вороний грай,
ходя-ходя, шашлык-машлык, мумба-юмба,

проклятые экстремисты.

(Вот ведь жили тихо и не было нам проблем,
да и впредь не желаем.)

Что за серьги в их ушах оттопыренных, плоских носах?

Что у них за тюрбаны, тюбетейки, халаты, браслеты,

короны, мониеты?

Что за белый верблюд, что за черный ишак, для чего этот слон?

Что за цель визита? Какой такой Вифлеем?

С точки зренья звезды,
на земле нет границ.
Даже реки с трудом различимы под слоем ваты,
и леса сквозь фильтр облаков всего лишь зеленоваты —
белок сверху не отличишь от лис или там куниц.
И бесполезны вопросы
типа: кто там пиндосы
и где там жида,
тем более те и другие одинаково злы и худы,
чернявы и чадолюбивы, плутоваты и длинноносы.

ИЗ ЧЕХОВА

они промокли и продрогли
они во все стучались двери
но им нигде не открывали
шел дождь обычный в это время
и в этом месте

вовсю стучало по рогоже
скользила глина под ногами
верблюды поджимали губы
а мулы двигали ушами
свистел погонщик

звезда над городом висела
как золотая шестеренка
вокруг нее ходил и бился
готовый разразиться звоном
большой будильник

портье сказал что дескать поздно
и что на праздники приезжих
полно в гостинице и нету
свободных мест одна рожала
так еле-еле

в хлеву пристроили хозяин
добрейший все же человек

хоть и еврей

СТАНСЫ

Холодно мне, мама,
холодно мне и страшно.
В палате пахнет (не помню),
из тела тянутся трубки,
сплетаются в белом небе.
Свистит исчезающий воздух,
простыня под пальцами мнется,
ко мне подходят (не помню),
говорят: не позже, чем утром.
Я не знаю, что это значит.

Холодно мне, мама,
холодно мне и жарко.
В перекрестье прицела
опрокинута местность,
как последняя рюмка.
Огонь обжигает веки,
пахнет жженой резиной,
мертвым красным железом,
мы думали — обойдется.
А тут прямая наводка.

Холодно мне, мама,
холодно мне и душно.
Я вижу, как чьи-то руки
обнимают мутную воду,
белые, как парусина.
Зачем я вдыхаю воду,
зачем я теряю время,
зачем я не слушал Веру?

Вера мне говорила:
море не любит пьяных.

Вкусно пахнет навозом,
и звезда за окошком
низко висит над землею.
Стопились теплые звери
и люди в пестрых одеждах.
Один — в голубом тюрбане,
другой — в малиновой феске,
третий — в чалме зеленой.
Холодно мне, мама,
и весело мне, и странно.

В КИНО

царь ходит большими шагами
по кабинету перебирает
точенные как четки аргументы
хотя уж какие
тут аргументы

за стеной позвякивают кимвалы

царь еще раз просматривает таблицу
черти бы драли эту машину
наверняка в базе данных есть ошибка
а нельзя чтобы в базе была ошибка
ведь тут такое понимаете дело

за стеной погромыхивают тимпаны

царь читает справа налево списки
новорожденных
бормочет обреченно
ведь оболгут же оговорят собаки
выставят пугалом для потомства

за стеной посвистывают цевницы

царь снимает трубку с мертвого телефона
говорит в эбонитовое ухо
марьиванна
принесите-ка чаю с лимоном да покрепче
и назначайте оперативное на восемь тридцать

за стеной настраивают псалтири

и звезда золотою шестеренкой
проворачивает по часовой
изумленный мир живой

В МУЗЕЕ

1

Женщина на переднем плане
в красном платье держит младенца
у нее из рук вырывает младенца
одной рукою мужчина в доспехах
младенец розовый а поодаль
лежит младенец уже желтоватый
и рядом валяются младенцы
такого пепельно-серого цвета
меч в руке у мужчины в латах
завис над розоватым младенцем
мужчина усатый и кривоносый
лицо выражает лихую глупость

2

На заднем плане мужчины в латах
кривоносые и с усами
ловят женщин в зеленом и синем
отбирают у них младенцев
машут ловко своими мечами
тычут копьями топчут ногами
вокруг развалины белого камня
какие-то арки окна и двери
вьющиеся растения пальмы
небольшие звери как будто собаки
и повсюду валяются младенцы
разных оттенков и в разных позах

Справа мы видим стену ворота
дорога уходит за край картины
вдоль дороги растут раины
по дороге идет мужчина
не оглядываясь на город
он ведет под уздцы ослицу
на ослице младенец и дева
дева смотрит на нас с тобою
не оглядываясь на город
а младенец смотрит на город
не отрываясь смотрит на город
кто-то должен смотреть на город

ДЕТСКАЯ ПОЛИКЛИНИКА

*золотая шестеренка
в небесах
раздается плач ребенка
на весах*

(а знаешь для новорожденных
есть распрекрасные весы
эмалированная чаша
и две линейки под ней
и гирька толстененькая важно
подпрыгивает на пазах
десятилетий и столетий
на медленной оси абсцисс
и гирька худенькая шустро
по тонкой планочке ползет
она обозначает годы
а может дни или часы

а на штырьке особом сбоку
имеется противовес
но лучше ты о нем не думай
а за окошко погляди
где снег скрипит как португепя
и искры звездами летят
там едет медленный троллейбус
наполнен теплыми людьми
они не знают что отныне
никто вовеки не умрет
ведь знаешь для новорожденных
есть специальные весы)

РОЖДЕСТВО, 2016

Шестеренка золотая, ее медленное верчение, свечение
скрыты сплошными тучами в этом году.

Тем менее все как прежде: Этому рождество, а тому сечение,
кому руль с колесами, а кому — звезду.

Выбирай: колеса, да руль, да нули после запятой,
темным лесом за национальными интересами щучьим велением —
или тихий ход шестерни золотой,
преобразование трения любви в победу над тлением.

ОПЫТ ВИЗУАЛИЗАЦИИ

Как ты представляешь себе
эту самую бесконечность?

Как крутобедрую восьмерку-лежебоку,
ожидающую своего Зевеса
(завеса откинута, дождь золотой
проливается вслед за зарницей)?

Как унылую вереницу
нулей после запятой,
забывших о том, был ли минус
перед тем нулем, что в начале?

Как движущиеся в вакууме качели?

Или как длину взгляда
матери на младенца,
умноженную на скорость
света звезды, глядящей,
как по далекой пустыне
упорно ползут верблюды?

За первым верблюдом — белым —
на осликах едут маги.
Один — в золотой короне,
другой по паспорту «Коган»,
а третий крутит наперстки.

За вторым верблюдом — черным —
везут на телеге поэтов.

Мучительно пахнет лавром,
и слышится бормотанье
на всех языках планеты.

А за третьим верблюдом
движемся мы с тобою
и прочие
бесконечные
краткосрочные
безвременнообязанные
недообученные
праздношатающиеся
тугомыслящие
разнорабочие,
желтые, белые, черные,
женские и мужские,
плотные и худосочные,
пешие и гужевые,
теплые и живые.

И этот верблюд последний —
он такого верблюжьего цвета.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭЛЕГИИ

- 7 Р. S.
- 9 „Над городом пух тополиный...»
- 11 „За окнами вечер трамваем грохочет...»
- 12 8 марта 2005
- 13 „Сидели трое у окна...»
- 14 Которская элегия
- 16 „Потру в Москве свистят таджики...»
- 17 „Уже и вовсе по-осеннему...»
- 18 Еще о бычке и доске
- 19 „Еще снег не пал на поля, еще дождь поля поливает...»
- 20 На возвратном пути
 - 20 1. «Глядя на небо, протянувшееся простыней...»
 - 20 2. «Мы едем, едем, едем...»
 - 21 3. «Меж тем ямщик поет иначе...»
- 22 „Пришел князь Курбский...»
- 23 Попытка симметрии в автобусе номер пять
- 25 В литературном музее
- 26 Доктор Д. и мистер Х.
- 27 Памяти одного поэта
 - 27 1. «Давайте вспомним пушкина...»
 - 28 2. «Рано утром подошел...»
- 30 Вид из окна
- 31 О визуальном и вербальном
- 31 Ода. Подражание гр. Хвостову
 - 31 1. «Когда я был душою молод...»
 - 31 2. «И без платков. Когда к столице...»
 - 32 3. «Изображения. Колеса...»
 - 32 4. «И вот на станции какой-то...»
 - 32 5. «Портреты. Вышел я однажды...»
 - 33 6. «За ними — два милиционера...»
 - 33 7. «И вдруг тогда глухонемые...»
- 35 Копаясь в бумагах, думает о быстротекущем времени
- 36 С польского

- 37 Памяти другого поэта
37 1. «Пули дали пополам...»
37 2. «На девятом перевале...»
38 3. *Мишель*: Ты, Творец вся Вселенной...»
39 4. «Пули пели пополам...»
- 40 „Вот река течет кое-как...»
- 42 Песня, которую давно собирался я спеть
- 43 Осетр
- 44 2005
- 46 Сонет
- 47 Желание быть поэтом
47 1. «хочу я сочинить стихи...»
48 2. «хочу я написать стихи...»
48 3. «хочу я выдумать стихи...»
- 50 „Написал сегодня „Умер Мирослав Немиров“...»
- 51 Жостовский поднос
51 1. «Гагарин глядит из ракеты...»
51 2. «Сергей Королев по вертушке...»
52 3. «Бог глядит ниоткуда...»
- 53 Глядя на лес вьюжным вечером
- 54 Ленинградская песенка
- 55 Баллады
55 1. «Сорокалетняя преподавательница математики...»
56 2. «Когда ему стукнуло двадцать два...»
58 3. «Кто читает стихи Бродского...»
59 4. «Павел Андреевич Пастухов...»
63 5. «Бабушка моя...»
- 65 Элегия
- 66 С натуры
- 67 Времена года
- 69 Метаморфозы
- 70 1926
- 72 Стекло такое
- 73 О поэте и поэзии
- 74 1990
- 75 Трансгуманизм
- 76 Дидактическое
- 77 P. P. S.

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

- 81 ПМК (проза + Х4)
- 82 „На пляже было много солнца и голых разнополых лиц...»
- 83 „Здрасьте, называется конец марта...»
- 84 Человеческий документ
- 85 „В комиссионном магазине...»
- 87 Новая социальная поэзия
 - 87 1. Февраль
 - 88 2. 38 рублей
 - 89 3. Новые нищие
 - 91 4. Март
 - 92 5. Полупочтенный возраст
 - 93 6. Апрель
 - 94 7. Вместо послесловия
- 96 Лытдыбр
 - 96 1. «Чу! воет ветер бесноватый...»
 - 96 2. «Устав от ипохондрии...»
 - 97 3. «Кому зима арак и пунш, а мне — Обама или Буш...»
 - 97 4. «Ночь февральская нежна...»
- 98 Позолоти
- 100 Педагогическая поэма
- 101 Новости жизни
- 102 Подражание поэтам
- 103 Лытдыбр
- 104 Тютчев и Фет
- 105 Сонет из автобуса
- 106 Прописные буквы
- 107 Заметки фенолога
- 108 Из дневника иностранца
- 109 Последний поезд
- 111 Сонет с Сокольнической линии
- 112 Еще с натуры
 - 112 1. «С своей зайчицею голодной...»
 - 113 2. «Куранты били, глас из репродуктора...»

ЯМБЫ

- 117 Две песни на разрушение трои (1991)
117 1. «Была, бля, Троя — были мы троянцы...»
117 2. «Мне не нужен Черноморский флот...»
- 119 На независимость России
- 120 „Ты есть, пацан, тот, кого ты ешь...»
- 121 Блюз
- 122 Катрены
- 124 „Время меняет кожу, линияет...»
- 125 Левада
- 126 Фигурный верлибр
- 127 Fuimus
- 128 Риторика
- 129 Кино и немцы
- 130 В мире животных
- 131 На викторию в Сирии
- 133 Из Есенина
- 134 Нечто о звездах
- 135 Послание к Башмачкину
- 136 Объявление в подъезде
- 137 Из детского альбома
137 1. «Вот Крым...»
137 2. «А вот Донбасс...»
137 3. «Вот Сирия...»
137 4. «Вот беженцы...»
138 5. «Вот трубы трубят, и источники вод...»
138 6. «Вот Армагеддон...»
139 7. «там море и пальмы, там лагерь „Артек“...»
- 140 Ближний круг
- 141 Из Ходасевича
- 142 Русофобский сонет
- 143 Переворот с подъемом

ИЗ ПОСЛАНИЙ К ВАЛЕРИЮ

- 147 I. «У нас тут, знаешь, пыльные бури...»
- 148 II. «...А когда у них снег сойдет и трава в лесах загорится...»
- 149 III. «Лето какое-то такое...»
- 151 IV. «Или вот еще, знаешь, в кино или сериалах...»
- 152 V. «Актер Ковалев в сериалах играет генералов милиции...»
- 153 IX. «Жаркое лето катит хрустальным шаром...»

ДЕТСКАЯ ПОЛИКЛИНИКА

- 157 Из Пастернака
- 158 Несколько слов о сложившейся ситуации
- 159 Мигранты на Дунае
- 161 Из Чехова
- 162 Стансы
- 164 В кино
- 166 В музее
 - 166 1. «Женщина на переднем плане...»
 - 166 2. «На заднем плане мужчины в латах...»
 - 167 3. «Справа мы видим стену ворот...»
- 168 Детская поликлиника
- 169 Рождество, 2016
- 170 Опыт визуализации